

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

*Светлой памяти дорогого
Владимира Германовича Богораза
посвящая*

Е. А. Крейнович

О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ У НИВХОВ (Публикация и анализ текстов)

Культ медведя, существующий у различных охотничьих народов, дошел до современности из глубин палеолита, храня в себе следы мироощущения и миропредставления наших древнейших предков, по-видимому еще неандертальцев. Найдены пещеры, в которых обнаружены черепа и кости пещерного медведя. Эти хранилища были созданы неандертальцами.

Череп и челюсти пещерных медведей, найденные в окрестностях Одессы, имели «какое-то нарочитое расположение... причем один такой череп был обложен камнями» [1, с. 232].

В Петерсгёле, в одном из боковых помещений пещеры, обнаруженные кости пещерного медведя были прикрыты камнями, а «рядом с ними в небольших углублениях в скале были размещены черепа этих животных» [1, с. 235].

В пещере же Драхенлох был обнаружен «сложенный из камней кубический „ларь“ с гранями, равными примерно метру. Сверху он был закрыт большим плоским камнем. Внутри лежало семь медвежьих черепов, повернутых мордами ко входу в пещеру» [4, с. 108]. Подальше в нишах по стенам было обнаружено еще шесть черепов [4, с. 108]. При черепах же «часто находились по два первых позвонка» [1, с. 237].

Невольно возникает вопрос: с какой целью неандертальцы сохраняли черепа пещерного медведя, их нижние челюсти, два первых шейных позвонка и другие их кости? Если бы они не связывали с этими останками каких-то представлений, то зачем неандертальцы стали бы их хранить? Такие действия, несомненно, не могли совершаться бесцельно.

Неандертальцы жили в пещерах, и пещерные медведи обитали в пещерах. При анимистическом миропредставлении одного этого факта было достаточно, чтобы отождествить пещерного медведя с человеком. Под Одессой, как указывалось выше, был обнаружен череп пещерного медведя, обложенный камнями, а в Италии в пещере Монте-Чирчео был обнаружен череп неандертальца в кольце из камней [4, с. 105].

«...Приходится признать,— пишет А. П. Окладников,— что на самых ранних ступенях погребальный ритуал имел общие идеологические корни и одинаковые внешние черты как по отношению к человеку, так и по отношению к зверю» [9, с. 78].

Из одинаковых черт захоронения человека и пещерного медведя следует вывод, что человек отождествлял с собой медведя и считал его человеком. Не случайно в фольклоре народов Севера встречаются выражения: медвежий народ, лисий народ и т. п. Поэтому же в религиозных представлениях и в фольклоре народов Севера до сих пор еще бытуют представления, что медведь — это человек, чем и объясняется тот сложный ритуал в отношении его, о котором речь еще будет впереди.

Однажды возникнув, религиозные представления и религиозные обряды могут утратить свой первоначальный смысл, но тем не менее они переживают десятки тысячелетий, сохраняясь у нынешних народов по традиции.

В связи с этим крайне важно отметить, что у нивхов, культ медведя которых мы изучали, имеются черты, типологически сближающие его с культом медведя у неандертальцев¹. Эти черты таковы:

1. Нивхи живут родами. Каждый род нивхов хранил (а единичные роды хранят еще и сейчас) в специальных амбарах черепа всех медведей, когда-либо убитых членами их рода на охоте, а также черепа медведей, выкормленных ими для устройства так называемого медвежьего праздника, во время которого медведя убивает приглашенный чужеродец.

2. Сахалинские нивхи особо выделяли два верхних шейных позвонка медведя (атлант и эпистрофей), которые называют махт². Их считали табуированными и их мясо запрещали есть женщинам.

3. Сахалинские нивхи сохраняли в целости все кости медведя, которые складывали в отдельный сруб, имевшийся у каждого рода в отдельности. Там хранили кости всех медведей, убитых членами данного рода.

Эти сопоставления дают нам возможность представить себе, почему неандертальцы хранили черепа пещерных медведей.

О захоронении останков пещерного медведя А. П. Окладников пишет следующее: «Гораздо вероятнее видеть в отмеченных находках отражение тех же, в общем, идей, которые вызвали впоследствии в Сибири и Северной Америке развитие сложной обрядности „медвежьих праздников“ и обычай заботливо погребать останки убитых животных, в особенности же их головы, наблюдающийся у многих отсталых охотничьих племен земного шара» [9, с. 77].

Неандертальцы хоронили своих соплеменников, обкладывая

¹ На эти сходства обратил также внимание В. В. Иванов [2, с. 7].

² Объяснение транскрипции см. [8, с. 296—297].

их даже цветами [4, с. 148]. Столь заботливое захоронение человека неоспоримо свидетельствует о том, что у них существовало представление о загробном существовании и, возможно, о воскрешении. Лишь после того как такое представление возникло в отношении людей, оно с неизбежностью было перенесено и на животных.

Нам в споре с Н. Я. Марром, который отстаивал идею изначальности дологического мышления у древнейших людей, пришлось доказывать обратное — что человек с самого момента своего возникновения мыслил логически. Самое убедительное свидетельство этому мы находили в том, что он мог из числа бесконечного количества камней избрать для своих орудий кремень и овладеть техникой его обработки, для чего требовалось логическое мышление [7, с. 462—463]. «Неандертальцы [же] изобрели новый способ изготовления орудий ... многие неандертальцы теперь оббивали каменный желвак, превращая его в дисковидный нуклеус, а затем били отбойником по краю, направляя удар к центру, и откалывали отщеп за отщепом, пока от нуклеуса почти ничего не оставалось. В заключение рабочие края отщепов подправлялись так, чтобы можно было обрабатывать дерево, разделять туши и разрезать шкуры» [4, с. 53].

Процесс изготовления орудий, захоронение людей и медведей, так же как и охота на них, не могли обходиться без взаимного общения и обсуждения столь сложных явлений жизни. Неандертальцы не только обладали развитым логическим мышлением, но и владели языком. Не владея им, они не смогли бы обмениваться опытом и выжить в тех суровых условиях, которые их окружали (см. [10, с. 44—65]).

Исходя из тех следов культуры, которые неандертальцы оставили, можно утверждать, что у них существовал большой круг понятий. Так, они знали, что такое твердое и мягкое, острое и тупое, раскалывающееся и нераскалывающееся, колющее и неколющее, скоблящее и нескоблящее, режущее и нерезущее, огонь полыхающий и огонь угасающий, сырое и жареное, горячее и холодное, живое и неживое, покой и движение и тому подобный круг понятий, который можно установить из знания их быта.

Мы, конечно, не собираемся отождествлять культ медведя у неандертальцев с культом медведя у современных охотничьих народов. Тем не менее нельзя не указать на ту эпоху, когда он впервые возник. Сквозь десятки тысячелетий со значительными изменениями он дошел до наших дней.

Современный охотник, убивающий медведя из самого совершенного ружья, а потом разделяющий его ножом из лучших сталей, не представляет себе ритуала, связанного с медведем, убитым на охоте, либо на медвежьем празднике у некоторых современных охотничьих племен Севера. Отдаленное представление об этом ритуале (так как в действительности он сложнее

излагаемого ниже) дают два следующих сообщения, записанные нами от нивхов.

Старик Пэск из селения Куль на материке рассказывал нам о ритуале материковых нивхов, совершаемом над медведем, убитым на охоте, следующее.

В первый день, называемый *наскруд'*, медвежью голову кладут на табуированный (священный) помост (*лэзд*). Приглашенных в этот день чужеродцев угощают внутренним жиром медведя, печенью и почками. Во второй день, называемый *т'онр-ызд'* 'кормление головы', все сородичи охотников, убивших медведя, а также семьи всех чужих родов, проживающих в данном селении, приносят жертвоприношения и ставят их перед головой медведя, угощая его таким образом лучшими яствами, которые они имеют. В третий день, называемый *уилыд'-зоскт'* — букв. 'ломать табуированное', старики чужеродцы режут на мелкие части табуированные части медвежьего мяса и жира, которые разрешается есть мужчинам и запрещается женщинам. В четвертый день, называемый *нашк-упыд'* 'усаживание нархов'³, чужеродцам-нархам передают часть медвежьего мяса и жира. В пятый день, называемый *уилыд'-розд'* 'деление табуированного', продолжается передача чужеродцам-нархам остальных частей медведя. Шестой день называется *т'онр-кот'т'* 'опускание головы (медведя)'. В этот день ее снимают с помоста, куда в первый день она была водружена.

Старик Очи из селения Чир-унвд на Сахалине рассказал мне о ритуале сахалинских нивхов над медведем, убитым на медвежьем празднике. В нем выделяются следующие моменты:

1. *Нашкхун п'шыңгу*. День прибытия нархов-чужеродцев, которые приглашаются специально для того, чтобы убить выкормленного медведя. Им же отдается почти целиком его мясо и жир.

2. *На-үусиң-ғаврдата*. Пока еще зверя (медведя) не извлекли из клетки. Медведя извлекают из нее, опутывая его самого и его лапы веревками [7, с. 201—202].

3. *На-үусиң-гу*. День извлечения медведя (из клетки). Очи рассказывал, что в старину после первого извлечения медведя из клетки вечером того же дня его водворяли в нее обратно.

4. *На-үусир твиң-гу*. День окончательного извлечения медведя из клетки. В этот день его уже убивают из лука [7, с. 208].

5. *Нашк-һупд*. Усаживание нархов. К этому моменту закончено уже поджаривание табуированных частей медведя и варка нетабуированных частей. Приготовленное мясо и жир отдают нархам.

³ Словом «нашк» (в дальнейшем по-русски «нарх») называется чужеродец, которого приглашают для того, чтобы он убил медведя. Потом ему отдают мясо и жир этого медведя.

6. Нашкхун эхт виң-гу. День, когда нархи возвращаются к себе обратно, увозя медвежье мясо и жир.

7. Ызгун п'анкшкун наң-гу. День, когда хозяева идут за берестяной посудой, в которой нархи увозят мясо и жир.

8. Ызгун навр-мың-гу. День, когда хозяева убирают навр — подстилки из еловых веток, на которых лежало медвежье мясо и которыми вытирали что-либо относящееся к медведю, в том числе обтирали руки, запачканные кровью, жиром и мясом медведя.

9. Шаңкхун т'ут'уң-гу. День, когда женщины моют посуду (очевидно, ту, которую им дозволяется мыть).

10. Ч'ох-к'ит'ит пал ваўваң-гу. День, когда для жертвоприношения духам гор убивают собак. Слово -к'ит'ид ~ -хит'ид, употребленное здесь, говорит, по-видимому, о том, что убиение собак представляло собой обряд примирения нивхов с горными духами-медведями за то, что они убили медведя. Словосочетание ч'ох-к'ит'ид означает 'поднять кровь' (имеется, вероятно, в виду пролитая кровь, как в обряде кровной мести). Буквально это название можно перевести так: День поднятия крови и налаживания отношений с духами гор — медведями.

11. Раңфт'иң п'иурурут твиң-гу. День, когда окончательно убирают все остатки и следы от медвежьего праздника.

Знакомясь с этим сложным распорядком медвежьего праздника, поневоле задаешь себе вопрос: зачем нужна такая потрясающая сложность в уходе за убитым медведем, когда современный охотник пулей и ножом разделяется с ним в несколько часов?

Все дело, очевидно, состоит в том, что, по представлениям нивхов, медведь — человек, не простой, а горный человек-дух, который находится в добрых и даже родственных отношениях с ними. Он охраняет их от злых духов и помогает им в добыче лесных зверей, а также медведей. По представлениям нивхов, горный человек-дух надевает на себя медвежью шкуру, спускается в гости к нивхам и позволяет себя убить, что для него не составляет несчастья, так как душа его вместе с подарками, которыми его снабдят нивхи, возвратится обратно к горным людям-духам и обретет там свою прежнюю плоть. Между горными (лесными) людьми-медведями и нивхами могут существовать и брачные отношения, в результате чего у нивхинок рождаются двойни [7, с. 426—440]. Такова философия анимиста-нивха.

Представление о медведе как о человеке отчетливо вскрывается в обряде его свежевания. Обратимся к языку.

Освеживание животного называется по-нивхски из'нт (с.д.) изд'(а.д.)⁴, но свежевание медведя — лант (с.д.), лырд' (а.д.)

⁴ Слова сахалинского диалекта нивхского языка обозначаются сокращенно — с. д., амурского диалекта — а. д.

Значение этих слов в нивхском языке утрачено. Между тем в языках хантэ и манси оно сохранилось.

В хантыйском языке (казымский диалект) имеется глагол 'хорти', 'свежевать', обозначающий свежевание любого зверя. Кроме того, в нем имеется еще глагол э:нхэсти, которым обозначают свежевание медведя. Буквальное значение этого глагола — 'раздевать'⁵. В мансийском языке (сосвинский и сыгвинский говоры) глагол нујаланквэ 'свежевать' употребляется для обозначения свежевания любого животного. Для обозначения же свежевания медведя употребляется глагол а:хвсалаңквэ. Его буквальное значение — 'раздевать'.

Таким образом, в языке двух народов процесс свежевания медведя отождествляется с раздеванием, поскольку за шкурой медведя, являющейся его верхней одеждой, таится якобы человек.

Шкура любого животного называется в нивхском языке наур, а шкура медведя — наур. Но не эту разрезанную шкуру надевает на себя, по представлениям нивхов, человек-медведь. В одной из легенд она называется нашкң (с.д.) 'цельная шкура животного, снятая с него без разрезов, «чулком»': хын-т'хыф п'ашкнух ч'уура, мэшн-нафк рон'р ин'ра. 'Этот медведь из своей шкуры выбрался, с нашим товарищем [т. е. с нивхом] вместе ел'. В другой легенде нивх, оказавшийся якобы среди медведей, говорит: Т'хыват н'и:вң наңт к'ымлиң-ғаврңы, т'хыван-н 'иүвды (с.д.) 'О том, что медведь есть человек, (я) не думал медведь — тоже человек'.

Переходим теперь к описанию процесса свежевания медведя. Приводим его на нивхском языке с переводом на русский:

О свежевании медведя у нивхов Сахалина

(1) хун-т'хыв-амүдүүн. (2) јамүна, уүр-т'акр валз-н'акр наңт ивңт. (3) ну-уүркудо виңа, л'эл'э т'ақохис' вал'ингэрд. (4) Тамкхис' ишлыт ах вахунд. (5) Вал'сагр тамкхис' ишлыт вахунд. (6) натот лазт твиңа, ивруут⁶. (7) ја-наүркис' т'шак ја-ғаррт'анд. (8) Т'хыв-ау-иүрд. (9) ја-наүркис' хэми ја-зоқкр-тмыңк пас'нд.

(1) Этого медведя свежуют (производя надрез по нижней стороне шкуры от края нижней губы, в данном случае от горла, до края прямой кишки). (2) Когда разрезают, то делают

⁵ Приношу благодарность научным сотрудникам Института языкознания Н. И. Терешкину и Б. И. Ромбандеевой, сообщившим мне эти сведения.

⁶ Словом «ивруут» (ивруут) (с.д.) обозначается особая поза, которую придают убитому медведю, а также собаке, принесенной в жертву после медвежьего праздника. При этой позе медведя укладывают на живот, вытягивают его задние лапы, а на передние, вытянутые вперед, укладывают его голову, словно он отдыхает и наблюдает за окружающим.

так, чтобы он три пуговицы и один пояс имел (на шкуре остаются неразрезанные полоски, символизирующие пуговицы). (3) Когда до этих пуговиц доходят, то ножом запрещают резать. (4) Руками тянут, рвут. (5) Пояс также руками тянут, рвут. (6) Потом, когда свежевать закончат, на брюхо укладывают. (7) Его шкурой три раза по его спине ударяют. (8) Помедвежьи рычат. (9) Его шкуру вверх через его голову кидают.

Записано от старика Очи в селении Чир-унвд в июле 1957 г.

В другом тексте, разъясняющем записанное, старик говорил, что на поясе у медведя и медведицы имеется млы — специальная сумочка из кожи, в которой нивхи до ознакомления со спичками носили кремь, трут и кресало: Арна вал'з-н'акр, млы-н'акр ивра, шаңк вал'з-н'акр ивра, млы ивра 'Зверь-самец, [т. е. медведь-самец], пояс один, сумочку с кресалом имеет, женщина, [т. е. медведица-самка], пояс один имеет, сумочку с кресалом имеет'. Примечательно, что в приведенном предлодении Очи назвал медведицу словом шаңк 'женщина'. В этом же тексте несколько выше нами записано от него следующее: һиутот, из'инына, арна уур-т'акр ивнта, тош, ах азмт'-н'иувн, һат итнт; шаңк-н'иувн, һат итнт, уур-ныкр ивнд 'После того, как убьют медведя, когда свежевать собираются, зверь-самец три пуговицы должен иметь, [таков] закон (обычай), вот [потому-что] мужчина-человек, [поэтому] так говорят', женщина-человек, так говорят, четыре пуговицы должна иметь' (глагол 'иметь' дан в форме каузативного залога, дать его точный перевод на русский язык мы затрудняемся). Разговаривая между собой (а не с исследователем), старики нивхи говорят о горных медведях как о людях — пал-н'иувн 'горный человек'.

Из сообщений Очи осталось неясным, откуда нивхи вырезывали у медведей пояс. Неожиданно это выяснилось из записей, сделанных у амурских нивхов.

О свежевании медведя у амурских нивхов

(1) П'ор палух лыңнан, пилаң жыыр и-д'онр-т'икрот, һо:р озиво оурјут к'оһад'. (2) Арна т'шакһара, ан'ғна ншыкһара — һогут оурјуд'. (3) Вылнут кох химигут јыңгт'. (4) јыңгнан уҗ лытт јыңгт'ад'. (5) Арна һаһан уҗс-т'акр лытта, ан'ғна һаһан уҗс-ныкр лытта — һат јыңгт'ад'. (6) Уҗс-тыруиныһан, һутыфидун' ут'ит, шавгут, мэшк ирлыт, т'шак һанывујн иҗмыт ирлыт, выут, тымх-хит'ит п'ңырүр-т'ат'ад'. (7) Ан'ғна һаһан т'шак ирлыт ншык һанывујн иҗмыт ирлит нутгут, тымх-хит'ит п'ңырүр-т'ат'ад'. (8) Изүйтһан һагр т'онр-томск татагута. (9) Н'ин н'ивх т'онрэрк-п'ира, н'ин н'ивх аннэрк-п'ира — һогут һагркир лывльвут'ад'. (10) Аннэркп'ид' нуғи, ар-т'хыф һаһан, т'шак лывльвура, ан'х-т'хыф һаһан — ншык лывльвура.

(11) Һарот т'онрэркп'ид'рох п'ыүзнан, т'онрэркп'ид'ан выүдр эвр. (12) Һыд'анвара һогур лылывурот п'нафкрох пыүзр'ад'. (13) Ар-т'хыф һаһан т'раксрак п'ыүста, ан'х-т'хыф һаһан ншы-кншык п'ыүста — һат'ад'.

(14) П'ор зоскиһыһан, һырүр-атт'-нох лэлэ к'озух рокут, вэрс тун'-т'эх — тағало һагут рокут, қат, лилэ кэлрох шақ-т'ад' — һогут тақлмурк рокут'ад'. (15) Һотһан фун'кут кыдр-мурк рокут'ад'. (16) Һыд'ан вара тун'-т'эх-тағагут рокут лилэ оғзағух рокут шақт, мат'ныки-озух рыкрыкут'ад'. (17) Һот шәнүт вивүыс нуһи рокут'ад'... (18) Вивүыс-тоқунан, һон'ағух ар һаһан тун'-т'эх-тағагута, ан'х һаһан тун'-ных-тағагута — һогут вивүыс-токут'ад'.

(1) Сперва, как в лесу убьют медведя, старейший ложится [падает] навстречу к медведю, его голову обхватывает, потом, поднимаясь, [он] издает клич. (2) [Если] зверь самец, [то он] три раза, [если] зверь самка — четыре — вот так клич издает. (3) [Потом медведя] поворачивают вверх брюхом и делают продольный надрез [от горла до прямой кишки]. (4) Когда производят продольный надрез, то, образуя пуговицы, [оставляют неразрезанными полоски шкуры], надрезают. (5) Когда самец окажется, три пуговицы делают, когда самка окажется — четыре пуговицы делают — вот так надрезают. (6) Когда пуговицу собираются разорвать, средний палец подсовывают (под полоску кожи), захватывают, два раза тянут, а на третий раз, с усилием потянув, разрывают, [потом], руку подняв, в свою грудь ударяют. (7) Если [медведь] самка — три раза тянут, [а] в четвертый раз, с усилием потянув, разрывают, [потом], руку подняв, в свою грудь ударяют. (8) Когда свежую, шкуру вместе с головой целиком оставляют. (9) Один человек за головой располагается, один человек за задом располагается, [потом] так по медведю шкурой бьют. (10) Находящийся сзади первым, когда медведь самец, три раза по медведю ударяет, когда медведь самка — четыре раза ударяет. (11) После этого, когда находящемуся возле головы [шкуру] бросает, находящийся возле головы на лету [ее] схватывает. (12) Он также таким образом ударяет, своему товарищу [шкуру] перебрасывает. (13) Когда медведь самец — три раза перебрасывают [шкуру], когда медведь самка — четыре раза перебрасывают — вот так делают.

(14) Сперва, когда разделявать [букв. ломать] собираются, [то] жир, вырезаемый с груди, прямо от шеи отделяют, примерно в три пальца толщиной — вот так отделяют; [затем], спускаясь прямо до внутренней стороны задних ног, режут, вот так брюшные пласты жира (тақлмурк) отделяют. (15) После этого на брюхо поворачивают, длинные пласты со спины (кыдр-мурк) отделяют. (16) Эти тоже в три пальца шириной отделяют, прямо от самого затылочного отверстия отделяя, режут, [затем] с основания хвоста отделяют. (17) Потом брюхом вверх

поворачивают, пояс сперва отделяют. (18) Когда пояс отделяют, то боковые стороны (над тазовыми костями) в три пальца ширины, если [медведь] самец, или в четыре пальца ширины, если [медведь] самка,— вот так пояс отделяют.

Записано от сказителя нивха Кыйдыка в селении Вайда на Амуре в ноябре 1957 г.

Старик Хидин из селения Вайды рассказывал мне о свежевании медведя то же самое.

Современный охотник, убив медведя, без всяких церемоний снимет с него шкуру. Нивх же осложняет этот процесс ложными представлениями, что медведь — человек. Поэтому он отождествляет процесс его свежевания с раздеванием, со снятием с гостя его одежды.

Однако это, если так можно выразиться, первый этап анимистического решения проблемы того, что такое медведь. Анимистическое воображение древнего человека развивалось дальше. Оно должно было еще ответить на вопросы, где и как живет человек-медведь, и оно на них ответило.

По-видимому, следующим объектом, вызвавшим деятельность воображения древних людей, была пещера, в которой обитал пещерный медведь, а затем и берлога, где зимует современный медведь.

Для нас берлога — это одно, а в воображении людей каменного века — это нечто иное. Вот как в легенде нивхов представлена берлога.

Это было, конечно, давным-давно. Один нивх пошел на охоту и заблудился. Блуждая, он набрел на след медведя, который привел его к берлоге. Когда он всунул в нее копые, то оно оказывалось в пустом пространстве. Тогда он свалил молодую ель, воткнул ее в берлогу, но и она не достигла дна. С отчаяния он решил сам войти туда и оказался в пространстве, которое вывело его в какое-то селение (см. подробнее [7, с. 170—175]).

Обитатели жилища, среди которых он очутился, приняли его приветливо. Однажды он увидел, что к этим людям из мест, оставленных им, поступают дарственные угощения. Позднее ему объяснили, что он находится в селении пал-н'и:вң 'горных людей', у которых существуют не только добрососедские отношения с нивхами (к'омифт'ив-н'и:вң 'с людьми, живущими в низовской земле'), но даже и родственные отношения: «Н'ин пал-н'и:вң н'андорң-к'алң нау, ч'ин к'омив-ни:вң н'андорң қ'алң нау, һаңы н'ин ч'ин к'алңда Нас, горных людей, девять полных родов, вас людей низовской земли [т. е. нивхов] девять полных родов, вот мы вашего рода». Так он узнал, что у каждого рода нивхов есть свой род горных людей-медведей, что он неожиданно для самого себя оказался среди своих горных сородичей. Среди них оказались не только его старшие братья, но и жена, о существовании которых ранее

он не подозревал. Между тем эти родичи покровительствовали ему. В личинах медведей они приходят к нивхам в гости. Нивхи их убивают, забирают их мясо, но их души, сопровождаемые дарами нивхов, снова возвращаются к своим родичам. Так люди узнали, что медведь — это горный человек. *Һаңт туктоҥ н'и:вң: җајмнт: т'хыф — пал-н'и:вң.* 'Так до сих пор люди знают, что медведь — это горный человек'.

Эта легенда, записанная со слов сказителя Шызыуна, имеет следующие дополнения, записанные мною с его же слов. Медведи имеют свои к'алң [роды], и если нивх убивает медведя, то он убивает лишь своего сородича. Медведь же чужого рода просто убежит от нивха, если тот захочет его убить. «Только свой к'алң свой к'алң кормит», — сказал мне убежденно Шызыун (т. е. сородич-медведь помогает только своему сородичу-нивху).

Понять и почувствовать эту анимистическую философию братства людей и животных нелегко, но только она способна объяснить многое в поведении нивхов в отношении медведя.

Прежде всего она объясняет роль энҗарг — чужеродцев во время охоты на медведя, а также на так называемых медвежьих праздниках.

Когда нивхи обнаруживают берлогу, то медведя, находящегося в ней, они считают как бы своим родичем. Тогда они приглашают с собой на охоту своего зятя, который не имеет права отказаться от этого приглашения. Напротив входа в берлогу становится зять, а тестя — по его сторонам⁷. Один из тестей тревожит зверя длинным тонким стволем, очищенным от ветвей. Когда медведь показывается из берлоги, первым нападает на него зять и колет его копьем. Медведицу бьют справа, медведя — слева. Если зять его не убил, тестя приходят ему на помощь [7, с. 173]. Мясо и жир медведя отдаются почти целиком зятю или другому чужеродцу, поскольку медведь, найденный тестями, считается как бы их родичем.

По сообщению Очи, когда к берлоге идет старик, то он держит с собой посох из молодой ели (пшуң-ханд). Как только медведь высовывает из берлоги морду, *һуң-ыт'х п'эвшун-ханд-җис' ја-н'этф* форуфорунд 'этот старик своим еловым посохом его лицо (н'этф) гладит, [ласкает]'. Когда же медведь полностью выходит, его убивают.

Убиение медведя современным охотником является его личным делом. Он поступает с ним как ему угодно. Не то у нивхов. Добыча медведя не индивидуальное дело охотника, но большое общественное событие, приводящее в движение не только членов рода, к которым принадлежит охотник, но и членов других родов, живущих с данным родом по соседству.

⁷ Общественное устройство нивхов родовое. Внутри рода браки запрещены. Женщины уходят в жены в другой род. Род, из которого берут жен, — это род тестя, а род, в который уходят женщины, — это род зятя.

С точки зрения воображения нивхов прибытие охотников вместе с медведем в селение означает, что к ним в лице медведя в гости прибыл горный человек. Общественная сторона этого события весьма выпукло выступает в рассказе об охоте на медведя, записанном мною на нивхском языке от старика Пэска из селения Куль, самого северного селения на материке, расположенного на берегу Охотского моря.

Трое охотников: старик Пэск, Псомрун и Озгун, о которых говорится в рассказе, принадлежали к роду Қавјуң. Четвертый, Тынвиң, был чужеродец. Установить его родовую принадлежность, а также его отношение к членам рода Қавјуң по имеющимся у меня записям не удалось.

Осенью 1930 г. четверо этих охотников отправились вверх по р. Куль охотиться на медведя. У нас сохранился даже схематический набросок местности, по которой они проходили, с указанием пункта, где был убит медведь. Сопоставление названий географических точек, по которым они шли, с названием их рыболовных промысловых угодий убедило нас в том, что они охотились на медведя только в пределах своей родовой промысловой территории, не выходя за ее границы. На этой же родовой территории находились и ритуальные кучи деревьев их рода, связанные с культом медведя (см. ниже). Сахалинский нивх Очи говорил мне, что каждый род нивхов имеет свою территорию, где члены данного рода охотятся на медведя. Вероятно, это сообщение надо понимать еще так. Медведь-сородич приходит к сородичам на их территорию.

Ниже приводим перевод рассказа Пэска.

Об охоте на медведя у нивхов материка (селение Куль)

«Когда наступила осень, мы, четыре человека, вместе пошли. Я одно, ружье, одно копьё нес. Тыңвин одно ружье нес. Псомрун одно ружье нес. Озгун одно ружье нес. Так шли. В Ч'ах-паглы — Красной воде⁸ переночевали. Утром пошли. К Вазиле поднявшись, переночевали. Утром встав, рыбу рыбным багром ловили. Сто рыб убили. Потом к своему месту возвратились, чай согрел, пили. После этого каждый сам себе заплечные носилки сделал. Я впереди шел. Так шли-шли, когда к м'ари спустились, здесь отдыхали. Каждый, табак свернув, закурил. Отсюда, встав, пошли. К Тымырымы⁹ поднялись. Здесь отдыхали. Отдохнув, встали, пошли. Шли-шли, к Ильмильм поднялись. Поднявшись, много медвежьих следов увидели. Нерестилище

⁸ Географическое название — топоним.

⁹ Вторая определяемая основа Тымы (-рымы, -дымы), встречающаяся в топонимических названиях, означает нерестилище, которыми богата р. Куль. Они распределены между членами родов, живущих в селении того же названия.

обходя, их следы осматривали¹⁰. Их следы осмотрев, к месту отдыха пошли. Там сели, табак курили. Табак покурив, встали, пошли. Потом к Миньрымы поднялись. Поднявшись, медвежьих следов много увидели. Потом по возвышенности шли. До края нерестилища дошли. По краю нерестилища идя, на другую сторону его переправились. Здесь заплечные носилки сняли, пошли, сучьев наломали, притащили, костер разожгли, чай грели. Когда чай согрели, я сказал: „К нерестилищу Ысыкльдымы поднявшись, посмотрим. Если ничего там нет, к К'эдымы, [нерестилищам, находящимся в верховьях реки], давайте поднимемся“. Дождавшись, когда закипел чай, сняли его. Каждый чай пил. Когда чай пить окончили, табак свернув, курили. Когда курить окончили, каждый, взяв свои заплечные носилки, поместил их за спину, пошли. Шли-шли, когда к Ысыкльдымы поднялись, по месту, где люди переходили, по мостику переправились. Все вместе по нерестилищу вверх поднимались. Поднимались-поднимались, медведем отведанная рыба разбросана была, детеныш вместе [с ним] был. [Медведь] ночью спускался, всего лишь прошлой ночью спустился, схватил рыбу зубами, вытащил, рыбу отведанную разбросал. Я сказал: „Здесь сядем. Если [медведь] спустится, то спустится“.

Тогда носилки сняли, поставили их. Поставив, место, на котором собирались остановится, осмотрели. В одном месте углубление было. В него сели. Псомрун ближе ко мне находился. Я на верхнем краю [углубления]¹¹ находился. Тыңвин за Псомруном находился. Озгун сзади всех расположился.

Сидели-сидели, каждый себе табак свернул, в зубах сигарки [самокрутки] держал. Самокрутки еще не успели прогореть, как в лесу раздался треск сучков. Дождавшись треска сучков, я наблюдал — человек, одетый в белую шапку, [померещился]. Я присматривался: между кустарником [что-то] чуть белело. Тогда я хорошо стал присматриваться. Присматривался-присматривался — медвежье ухо торчит. Теперь Псомруну сказал: „Медведь спускается. Пусть каждый приготовится. Когда каждому удобно будет, стреляйте. Если мне удобно будет, я выстрелю“. Так наблюдая, сидели-сидели, [а он] спускался. По краю нерестилища ступая, спускался. Спускаясь, вдруг остановился. Остановившись, голову поднял. Осторожно стал спускаться. Когда к нам приблизился, заторопился, длинными шагами подходил. Вблизи нас Вын'варатымы — нерестилище, подобное котлу, находилось. В том направлении спускался. Напрямик туда спустившись, остановился. Каждый из нас притаился. Допускали его спускаться. Когда он, сюда спустившись,

¹⁰ Когда нивхи, живущие в бассейне р. Тыми на Сахалине, находят след медведя, то называть его прямо словом «т'иф» 'след' запрещается. Следует говорить о нем иносказательно — «кытх» 'стебель'.

¹¹ Расположение углубления, по-видимому, ориентировано по направлению течения реки.

остановился, я ружье приготовил, а потом встал. Когда я встал, он, уши к голове пригнув, меня разглядывал. Так я в него прицелился, на мушку его взял, а потом [курок] потянул. Когда потянул, два ружья выстрелило. Тогда там голова [букв. 'сверху'] вниз упала. После этого [он] встал, назад прыгнул. Тогда спросил: „Как стреляли?“ Когда я так сказал, Озгун встал, из-за наших спин побежал его преследовать. Тогда наши товарищи встали, вместе с ним втроем друг за другом побежали. Я, сидя на месте, сказал: „Не надо“. Тогда, не обращая на меня внимания, побежали. Опасаясь, что он откуда-либо появится, запретил [им идти]. Ничего не добившись, встал, копьё бросил, на ходу патрон в ружье вложив, побежал. Когда бежал, ружье одно выстрелило. Я к месту выстрела побежал. Смотрю, он бежит, вдруг [его] голова вперед упала, ткнулась в землю. Прямо к нему подбежал. Тыңвин опять стрелять собрался, но я запретил. Смотрю, глазами моргает. Псомруна за копьём послал, ружье наготове держу. Псомрун принес копьё. Я копьё взял, подошел, колот. Не доколот. Тогда на медведя прыгнул¹², своей силой его обнял. Когда я обнял, он зашевелился. Шевелился-шевелился.

Тогда я встал, посмотрел. „Б'шк п'ш'ыд'ра 'уже пришел“¹³ — сказал я. „Ну, молодежь, давайте оттащим его целиком немного подальше“. Гляжу на него: „большой старик“ (пилэ һэмар) — так думаю. Молодежь тоже — „большой старик“ — так думала.

Потом ремнем его шею обвязали. Вчетвером вместе волокли его. Когда оттащили, на брюхо положили его, лапы вытянули. Я поправил его, чтобы ровно лежал, ремнем шею обвязал, копьём шерсть спины почистил. Почистив, копьё опустил, с левой стороны к медведю прислонил. Конец шейной привязи поднял, к копыю привязал¹⁴.

Лишь теперь я понял: „Медведь — самка. Давеча думали, что самец“. Я опустил, хвост рукой обхватил, не обхватывается (?). Я подумал: „Э, теперь-то жирный оказывается“.

Потом я пошел, дров для жостра нарубил, принес, елок на-

¹² На медвежьем празднике у Паркызина (происходившем у сахалинских нивхов на р. Тыми) в феврале 1927 г. я видел, как нивх Пимка прыгнул на спину издыхавшего зверя, схватил его за уши и ткнул мордой в снег, чтобы он быстрее задохнулся.

¹³ Это выражение с исключительной четкостью говорит о том, что медведь, по представлениям нивхов, — человек. Он в данном случае не умирает, но только приходит к своим сородичам в гости. Дальнейший ритуал подтверждает этот вывод.

¹⁴ У сахалинских нивхов на шею убитого медведя также надевают подвижную ремennую петлю. Она называется «ларх». Ее свободный конец привязывают к деревцу. Вероятно, это должно обозначать, что медведь принят нивхами. Когда его начинают свежевать, конец ремня отвязывают от дерева и ремень аккуратно складывают в несколько раз до затылка. Сложенный ремень перевязывают поперек и оставляют лежать на затылке. В таком виде он символизирует перевязанную косу — поп (ларх-тнохкис' ин-боп-ајнт). Пэск привязал медведя к копыю, возможно, потому, что вблизи не было дерева.

рубил, табуированный огонь¹⁵ [костер] разжег. Разжег, а потом еловых ветвей на огонь положил, много [еловых ветвей] сжег.

Я молодежи сказал: „Дрова нарубите, чай согрейте“. Тогда один пошел, дрова для согревания чая нарубил, принес, костер разжег, чай согрел¹⁶.

Потом чай пить не стали, к медведю пошли. Брюхом вверх его повернули, шкуру снимать стали. Я надрезал шкуру¹⁷. Надрезав, молодежи позволил его освежевать. Когда освежевать его закончили, на брюхо его повернув, положили, лапы вытянули.

После этого я молодежи сказал: „Один у головы пусть станет, один у зада [хвоста] пусть станет. По четыре раза шкурой по медведю ударьте, шкуру перекиньте, на лету поймайте“¹⁸.

После того как так сделали, брюхом вверх его повернули. Я жир разрезал. Потом каждый жир отделял. Потом еловые ветви постелили, поверх них жир положили. Потом лапы отделили. Я вешалки сделал¹⁹. Потом понрох ‘жир со спины между передними лопатками’ вырезал, понес, на вешалку повесил, потом кэлнох — жир с внутренней стороны задних лап вырезал, на другую вешалку повесил. Потом козныспи — шейные позвонки перерезал²⁰. Перерезав, голову вместе с целой шкурой [не отделенной от головы] понес к табуированному огню. Подушку

¹⁵ Слово «уиүд» означает ‘табу’, ‘грех’, ‘запрет’. В связи с этим переводим сложное слово уиүт’уүр (и другие сложные слова с компонентом уиү-) как табуированный огонь, а не священный огонь. Одним словом т’уүр в нивхском языке обозначаются и огонь и костер. В дальнейшем оно будет переводиться нами словом «костер».

¹⁶ Эта часть рассказа отчетливо показывает, что на табуированном огне, предназначенном для медведя, варить пищу для людей нельзя. Для этого надо разложить другой костер.

¹⁷ Снятие шкуры с медведя производится в два этапа. Сперва шкура снимается с туловища медведя до головы. Голова вместе с не отделенной от нее шкурой должна видеть все почести, оказываемые нивхами гостю-медведю. На втором этапе снимается остальная часть шкуры с головы и медведя готовят к окончательным проводам — палрох — к своим сородичам — горным духам. Таким образом, на первом этапе разрез по брюху производился не от нижней губы, но қорқрвыјуүэ ‘из-под горла’, как объяснял мне Хидин.

¹⁸ В данном случае ритуал, связанный со свежением медведя, как о нем, рассказывали Қыйдык и Хидин (см. выше), был произведен не полностью, либо Пэсқ не обо всем рассказал. Так, он ничего не говорит о выделении уиүлд — табуированных частей мяса и жира, но потом в рассказе эти доли постоянно упоминаются.

¹⁹ Та қи — ‘вешалка’. Она изготавливается из молодого деревца, на котором ветви обрубают не полностью (не меньше чем на расстояние одной ручной четверти от ствола). На оставшиеся сучки вешают вещи. Основание деревца заостряют и втыкают в землю либо пристраивают во время медвежьего праздника на почетных нарах.

²⁰ У сахалинских нивхов, насколько мне известно, разрез производится между вторым и третьим позвонками, так как два первых шейных позвонка (махт) считаются табуированными и остаются при черепе до освежения головы.

²¹ ‘Подушкой’ для головы медведя служит какая-либо деревянная перекладка, через которую перевешивают голову медведя, чтобы она мордой была обращена к людям. Укладывание головы в такой позе называется гот-

сделав²¹, вблизи огня положил. Голову на подушку положил, мордой [вниз] по направлению к огню. Потом пошел, кишки раскрыл, [т. е. распорол брюхо]. Раскрыв, ребра с левой стороны перерезал. „У самки вот так делают, у самца с правой стороны перерезают“, — молодежи сказал. Потом все перенесли, на еловые ветви положили.

Потом чужеродца [т. е. Тыцвина] попросили уилыд' — табуированное пожарить. Если чужеродца нет, то ыз'хху — хозяева, [т. е. охотники, убившие медведя], все равно понемножку жарят, едят.

С рассветом встали. „Давайте чай согреем, пить будем“. Чай согрели, пили-пили, в это время я сказал: „Если мы сегодня вниз спустимся, давайте утром спустимся. Все ли мы возьмем? Э, нам трудно будет“. Потом, когда пить окончили, (я сказал): „Пусть каждый себе заплечные носилки с выступами (ва-амр-т'иүнс) сделает“.

Каждый сделал для себя заплечные носилки²². Озгуну велел голову в носилки увязать. Тыцвин две лапы и два куска сала [увязал]. Озгун вместе с головой задние части еще увязал. Я кишки, кишечный жир, кусок жира с туловища [увязал]. Псомрун одну лапу и два куска сала [увязал]. Вот так увязали²³, на спины взвалили, пошли.

Так спускаясь, к нерестилицу Минырымы спустившись, отдыхали. Потом встали, к Ильмильм спустившись, отдыхали. Отсюда к нерестилицу Тымырымы спустившись, носилки сняли. Потом дрова нарубили, принесли, костер разожгли: „По-быстро му чай согрейте!“ . Вскипятили, пили, о новостях разговаривали.

Когда чай пить закончили, каждый свои носилки взял, на спину взвалил, пошли. Во время хождения медвежья голова лишь впереди шла²⁴, я же позади шел. „Озгунá, медвежью голову подними²⁵, клич прокричи“ — так я сказал. Тогда голову несущий первым клич прокричал, находящийся за ним клич прокричал, еще находящийся за ним клич прокричал. Только тогда я, последний, клич прокричал. Я сказал: „[Когда] самка медведица — четыре раза клич кричат“. Тогда четыре раза клич прокричали.

Потом к Вазилэтыj — Вазильской мари вышли. Недалеко отошли, ноги до середины голени погружаться стали. Я сказал: „Отдохнем!“ Тогда передний, медвежью голову несущий, спу-

руд'. Ниже Пэсқ рассказывает о том, что он сделал 'подушку' для головы из ольхи.

²² Тымовские нивхи на Сахалине, по сообщению Очи, увязывают в заплечные носилки медвежью голову вместе с колчаном.

²³ Кто нес четвертую лапу, в тексте не сказано.

²⁴ У тымовских нивхов на Сахалине несущий голову также идет впереди, а остальные охотники за ним.

²⁵ Понять смысл этого приказа трудно, так как в рассказе нигде не говорится о том, чтобы охотники для издания клича снимали носилки, поднимали медвежью голову и кричали.

стился, здесь сесть собрался, [но] медвежья голова его назад повалила. Тогда засмеялись, зашумели. Ох, и смешно было. Потом табак журили. Табак покурив, тут встали, клич прокричали²⁶, спускаться стали. Недалеко отошли, в направлении к опушке леса Вазиле спускались. Там отдохнули. Оттуда встав, спускались, в направлении к нерестилищу Вазиле спустились. От верхнего конца горки по медвежьей тропе, по твердому чистому месту спустились к нерестилищу Вазиле, к своему месту спустились. Свои носилки сняли, поставили, табак покурили. Потом, когда встали, каждый свою острогу [в виде багра] взял, понес, рыбу багрил [ч'о-шавд']. Свежую когда добыли, хорошую выбрали, донесли на свое место. Озгуна попросили рыбу порезать. Каждый себе голову отрезал, ел.

После этого я на горку поднялся, к своей [родовой] куче деревьев [јутуд'] поднялся. Посмотрел ее, а потом пошел. Топор нес, дерево срубил, понес, к своей куче прислонил²⁷.

Возвратившись, медвежью голову на нос лодки опустив, уложили²⁸. Возле последней поперечной перекладки у кормы еловые ветки постелили, на них табуированное (т. е. табуированные части медвежьей туши) погрузили. Когда грузить окончили, я в лодку спустился, рулевое весло взял. Озгун в лодку спустился, за медвежьей головой поместился, [голова на носу], Тыцвин за ним поместился; Псомрун за ним поместился. Тогда я сказал: „Голову своего медведя поднимите“. Тогда, клич прокричав, вниз по реке спустились.

Спускались-спускались, к развилке реки когда спустились,

²⁶ У нивхов Сахалина издание клича именуется глаголом ојонт (о — основа, јо — суффикс со значением длительности действия). У нивхов Куль на материке он называется ујд'. Сказитель Кыйдык же из селения Вайда называл его оурјуд' (в произношении других огрјуд') 'кричать по-особому, особым голосом (вероятно, кричать с торжеством)'. Нивхи Лунского залива на Сахалине говорили мне, что кричат «о!» изо всех сил до последнего дыхания. Сущность этого клича они объясняли так: пал эсмугуиньт ојод 'Клич «о!» издают, чтобы пал — горных людей-духов обрадовать'. Лунские нивхи говорили, что если их сородич убил медведя днем и прокричал клич, то другой сородич, находящийся вдалеке, может услышать этот клич ночью. Некоторые женщины якобы могут слышать его еще за два-три дня до того, как их муж, брат или отец убьют медведя. Такое состояние у них именуется глаголом тагруд.

²⁷ Когда сахалинские нивхи убивают медведя, то они делают по три надтеса на трех деревьях, если медведь самец, и по четыре надтеса на четырех деревьях, если медведь самка (по другому сообщению, эти деревья будто бы срубают). Обряд этот носит название вујунт. Теперь уже трудно понять, какое отношение к культу медведя имеют деревья.

²⁸ Откуда взялась у охотников лодка, неясно. Возможно, она заранее была составлена ими. Сахалинские нивхи сначала опускают на нос лодки голову медведя, затем передние лапы, а потом задние, стремясь, как и амурские нивхи, сохранить медведя целиком. До помещения медведя они украшают лодку. На нос втыкают три свежизготовленных инау (тонкие стволы кустарника, заструженные на одном конце) и столько же в корму. В берег же, откуда отплывает лодка, втыкают һајуш — специальное инау, на корневой стороне которого вырезывают схематичное изображение зверя-самца.

две лодки с нивхами там находились. Мимо них спустились. К Тоне Березовой мари (Нивсты́хырф) спустились. Там поели. Поев, оттуда спустились. Клич прокричав, спустились.

Спускались-спускались, когда к Қавјунмусифтох 'месту складывания лодок рода Қавјун' спустились, я на берег поднялся, топор неся, поднялся, к куче деревьев своего рода поднялся. „Издавна (давным-давно) нашего рода Қавјун древняя куча деревьев (ыҕрыкон н'ың Қавјун јутуд'ра)“, — сказал я. На горку поднялся, молодую лиственницу, самца-лиственницу (арпшун) искал²⁹. Искал-искал, нашел, срубил, [шалашик сделал]. Спустился ольху искал. Ольху увидел, срубил, подушку-[перекладину] сделал, ножки сделал. Это срубив, к куче пошел, опустил, [очевидно, остатки от срубленной лиственницы и ольхи]. Потом пошел, дерево потолще срубил, понес, к куче прислонил. Потом шалашик и подушку взял, под мышкой понес, к своим товарищам спустился.

Носом лодка стояла на берегу. „Здесь [на носу] только [над головой медведя] шалашик ставят“, — сказал я. Потом медвежью голову подняли, подушку положили, на подушку голову опустили [мордой вниз]³⁰, шалаш поставили. Когда шалаш поставили, вниз поехали. Тогда я сказал: „Почаще, почаще клич кричите“. Тогда клич прокричали.

Спускались-спускались вниз по реке. После полудня к селению спустились. Когда к Мат'во (Маленькому селению) подъехали, его жители, чтобы поглядеть на нас, к берегу побежали. Когда [к своему селению] подъехали, Плыскук³¹ сверху спустился, ударное бревно (заст'ас)³² повесил. Когда все так происходило, я вперед к табуированному берегу пристал³³.

Тогда женщины к ударному [музыкальному] бревну спустились. Моя жена спустилась, ритмы выстукивала (т'угу-д'ад'), горные ритмы (пал-шугу — ритмы горных людей-духов) выстукивала³⁴.

²⁹ Рубка дерева называется хывд' (а. д.); но о рубке молодой лиственницы или ели говорят јайд' (а. д.). Несомненно, в основе различного употребления глаголов лежит какое-то древнее представление, которое сейчас выявить трудно. Вероятно, с елью и лиственницей связывались особые представления, и говорить о них прямо хывд' 'рубить' нельзя было. Надо было выражаться индифференциально.

³⁰ Лодка с возвышающейся на ее носу головой медведя, несомненно, должна была представлять для нивхов величественное зрелище.

³¹ Старик Плыскук — член рода Қавјун, к которому принадлежала группа охотников во главе со стариком Пэсқом.

³² Единственный коллективный музыкальный инструмент у нивхов, на котором женщины музицируют в честь медведя, исполняя ряд ритмических песенок, предназначенных только для этого праздника.

³³ Каждый род в селении Куль (и, очевидно, в других селениях) имеет свой табуированный участок берега (уиҕ ч'ры), к которому пристают лодки данного рода только с убитыми медведями.

³⁴ Когда у тымовских нивхов лодка с медведем приближается к селению, охотники останавливаются на небольшой отдых. В это время они издают клич. Услышав его, жители селения узнают, что их охотники добыли медве-

Тогда Плыскук к нам спустился, шалашик взял, [с головы медведя] снял³⁵. Озгун голову медведя поднял, на плечо положил. Один [нихв к нам] спустился, медвежью шкуру подерживал. Мы впереди [всех] несли. Так прямо к лэзн — табуированному помосту поднялись³⁶.

Люди (пришедшие встретить медведя) толпой шли, радовались. Так позволили им на медведя посмотреть.

Я сказал: „Радующихся угости“. Тогда Плыскук внутренний жир на доли делил, почки на доли делил, людей угощал³⁷.

После этого я на табуированный помост поднялся, осмотрел, поправил его. Поправив, медвежью голову поднял, на табуированный помост положил.

Закончив, спустился, чай пил, о своих хождениях рассказывал.

Потом рис сварил. Сварив, понес, на табуированный помост поднялся, медвежью голову кормил, накормив, спустился.

Из-за того что стемнело, лег спать.

* * *

На следующий день утром, как встал, в жилища своих сородичей пошел. Старейшинам [букв. большим людям — пил'а-

дя. Этот клич мне довелось слышать один только раз ночью, когда я поселился в летнике Пимки в июне 1926 г., в первый день моего приезда в Чириво. Могучий клич, разносившийся ночью над тайгой, разбудил меня и испугал. Пимка сказал, что это нивхи убили медведя. Утром все селение Чириво встречало охотников. Мужчины были радостно возбуждены, и, когда лодка пристала к берегу, они встретили медведя сильными криками, а женщины уже выстукивали на бревне ритмы песенок, которые должны были показать медведю, с какой радостью его встречают нивхи.

³⁵ Шалашик над головой медведя ставит охотник, но снять его должен только старейший рода.

³⁶ Табуированный помост на четырех столбах — лэзн — имеется у каждого рода материковых нивхов. Он предназначен для культа медведя. На него можно класть только медведя и утварь, в которой хранят медвежье мясо, сало, котлы, в которых варят медвежье мясо, корыта для жертвоприношения духам гор и другую посуду, употребляемую на празднике. В медвежьем культе сахалинских нивхов главную роль играет нан'у — площадка, на которой убивают медведя, жарят табуированные части его туши. На каждом нан'у, по сообщению сахалинских нивхов, имеется толстое дерево. Возле него обычно и устраивается лэзн. Однако у тымовских нивхов вместо этого слова чаще употребляется сложное слово нан'у-галмыр 'доски нан'у', на которые укладывают табуированные части медведя. У каждого рода имеется свое нан'у. Медведя, убитого на охоте, сахалинские нивхи несут к своему родовому нан'у и укладывают на свой нан'у-галмыр. Сперва укладывают голову, за ней передние лапы, затем задние, правые лапы — с правой стороны, левые — с левой. Сердце, легкие, грудину, мясо сосков кладут по отдельности в чаши — н'хыр. Для сердца каждого вновь убитого медведя изготавливается новая чаша, а в старые кладут другие табуированные части. Остальные части медведя также помещают на этот помост.

³⁷ Выше Пэсқ говорил, что в первый день гостей угощают еще печенью медведя, но в рассказе этот момент опущен.

н'ивугу] сказал, попросил их подумать³⁸. Я сказал: „Мы как поступим, теперь съедим ли, мерзлую голову оставим ли?“³⁹. Я говорить кончил, но потом опять сказал: „У нас в этом году юколы нет, собак нет. Как поступим? Я-то думаю, что мороженую голову оставить мы не в состоянии. Вы подумайте“⁴⁰. Старейшие, подумав, говорили: „Беда! У нас юколы нет. Мы как будем делать? Если мы мерзлую голову оставим, знакомые из других селений приедут (а у нас нечем их угощать). Беда! Теперь-то не приедут. Сейчас побыстрее свежего целиком съедим“. Так все одинаково думая, согласились.

В этот день вечером другие роды [селение Куль] студень изготовляли. Каждый сам изготовлял студень, [т. е. каждая семья чужеродцев готовила его для медведя]. Когда закончили, [то сами] своими руками понесли. На табуированный помост поднялись, кормили его голову⁴¹. Из рыб ленка возле его головы положили. Покормив, на табуированном помосте оставили его, [т. е. медведя], ночевать.

На следующий день утром встал, к своим товарищам пошел: „Сегодня утром табуированные части поломаем, [разрежем]. Старейшин из других родов позовем, их попросим табуированные части разрезать“⁴².

Еду на табуированном помосте только готовят. Одна старуха поднялась [на него], котел взяла⁴³. По нашему обычаю (*тор*), молодежи брать котел [для варки медвежьего мяса] нельзя. Старейшие лишь могут брать котел.

После этого табуированные части разрезали, сварили⁴⁴. На

³⁸ Старейшины рода, члены которого добыли медведя, также именуется *пил'а нивугу* 'большими людьми'. Кроме того, их еще называют *ызг* 'хозяйин', так как они являются хозяевами праздника, устраиваемого по случаю добычи медведя членами их рода.

³⁹ Если медведь убит на охоте поздней осенью и у нивхов, убивших медведя, недостаточно запасов для угощения гостей, то голову убитого медведя можно оставить на зиму, если у кого-либо из членов данного рода имеется медведь в клетке, подлежащий убиению в эту зиму. Тогда почти оказываются одновременно обоим медведям — убитому на охоте и на празднике. Голова медведя, оставляемая на зиму, именуется в рассказе *кың-д'өңр* 'мерзлая [мороженая] голова'.

⁴⁰ Эта часть рассказа представляет собой исключительный интерес. Она показывает, что распределение добытого медведя представляет собой не частное дело, но дело всего рода.

⁴¹ Если члены одного рода убили медведя, то члены других родов приходят к нему *к'ыз-нынд* 'искать счастья' и приносят ему угощения.

⁴² По сообщению Пэсқа, табуированные части медвежьего мяса и жира готовить в пищу должен только старик-чужеродец. Этот процесс носит название *улыд'-зосқт* 'ломать табуированное'. Старики, члены рода которого убили медведя, не могут разрезать табуированные части. Они должны только следить за тем, чтобы оно производилось правильно, в соответствии с обычаями.

⁴³ У сахалинских нивхов женщины не могут соприкоснуться с помостом, на котором находятся медведь и медвежья утварь.

⁴⁴ У сахалинских нивхов табуированные части только жарят на вертелеа на табуированном огне, но не варят.

доске на доли делили. Плыскук на доли делил. Разделив, чужеродцев криком звали, просили их прийти. В одно место их посадили, кормили. Еще женщин пригласили. Повыше огня их посадив, кормили. Плыскук им доли делил.

После этого убрали. Большие корыта сняли, под табуированный помост положили. Оставшиеся табуированные части в них положили, оставшийся жир в корыта для изготовления студня положили. На табуированный помост подняв, внутрь помоста затолкали, оставили. Еловыми ветками прикрыли, сверху неводом хорошо закрыли. Еловые ветви подняв, лицо (наин) медведя укрыли, сверху неводом закрыли.

Из-за того что стемнело, все по своим жилищам разошлись, уснули.

* * *

На следующий день утром встал, к своим товарищам пошел. Моя жена к своим товарищам [подругам] ушла, им говорила, их звала⁴⁵. Я своей молодежи поручил всем чужеродцам дать знать, пригласить их. «У нас так еще будет ли, нет ли. Медведя, подобного этому, добудем ли? Сегодня малых нархов⁴⁶ посадим. Если успеем, голову снимем с помоста, если не успеем — завтра утром снимем»⁴⁷.

Мальчики, юноши к ударному бревну спустились, ударяли по нему, (а оно) гудело: куц кун.

Когда настал вечер, женщины на ударном бревне играли. Старая женщина одна с ними вместе была. Моя жена ритм танцев выстукивала. Старуха Эшка (Эшк хэман'х) танцевала. Я спустился к ним, шутил, смеялся, шумел.

Потом, когда закончили, все воротились в жилища. Легли спать.

* * *

На следующий день, выспавшись, рано утром встал. После того как поел, к своим товарищам пошел, сказал: «Всех людей, находящихся в селении, мужчин и женщин, всех-всех пригласите».

От них выйдя, в свой амбар пошел. Шкуру убитого мною медведя, самую большую взял, [видимо, в амбаре находилась

⁴⁵ Очевидно, для того, чтобы готовить студень для угощения гостей. Ниже рассказывается о студне, который старики сняли с крыши (туда его могут поставить, чтобы он застыл) и разрежали для гостей. Это, вероятно, и был студень, приготовленный женщинами.

⁴⁶ По сообщению Пэсқа, нархи делятся на пилэ-нашқ 'большой нарх' и мат'-нашқ 'маленький нашқ'. Первым отдают при делении медведя тазовые кости (пыјх), а вторым — лопатки (тывск) и кости предплечья (мэглашк). На Сахалине с таким делением нархов мы не встречались.

⁴⁷ В дальнейшем, к сожалению, о таком важном моменте, как снятие медвежьей головы с помоста, в рассказе ничего не сообщается.

не одна шкура], к табуированному помосту пошел, поднялся, там повесил, чтобы люди видели. Потом к нивху Қауру спустился, шкуру убитого им медведя взял, понес. Они весной, когда охотились, его товарища медведь убил (инафк жиндут')⁴⁸. Шкуру на табуированный помост втащил, на вешалку с сучками повесил.

После этого сказал: „Нархов позовите. Из рода Кэз'оң, рода Тнаунуң, рода Т'и:ртармсп'иң, рода Чфынуң, рода Мэгафиң⁴⁹, рода Тивлип'иң — шесть человек позовите.

Потом нархов посадили. Род Т'и:ртармсп'иң — передний нарх, род Кэз'оң — передний нарх, род Тивлип'иң посередине находился, род Тнаунуң посередине находился, род Чфынуң — задний нарх, род Мэгафиң — задний нарх.

Роду Т'и:ртармсп'иң переднюю лопатку медведя (тывск) подали, роду Кэз'оң кости предплечья (мэглашк) подали. Этим табуированные части только подали. Раньше в чашки ель положили, поверх табуированные части положили. Так их кормили. Ягоду с горохом в чашки из бересты положили. Шесть [специальных] ложек для кормления нархов (нашкхун лувр) положили, затем собак притащили⁵⁰, еловые ветки взяли, собачьими ошейниками перевязали. Переднему нарху подали, еще следующему за ним нарху подали.

Сперва нархи кости (от мяса) очищали. Очистив, собачьими ошейниками перевязали, опустили (в 'яму')⁵¹.

Потом ягоды и горох в чашки положив, им подняли, [подали, т. е. подняли из 'ямы']. Шесть чашек им подняли, их кормили. Три раза ягоды и горох им поднимали.

Потом черпаком воду зачерпнули, принесли. Попросив нархов на край нары подвинуться, их поили. Затем холодной водой их облили. Потом смеялись, шутили.

Потом нархи поднялись. Им позволили направиться к выходу. Юноши, взяв ветки ели, пошли за нархами. Когда они подошли к двери, их били по спине ветками ели. Дав им выйти наружу, юноши набрали деревянной лопатой снег. Каждый из юношей бежал вслед за ними, кидая в нархов снегом. Так сделав, вошли в жилище.

⁴⁸ Из текста рассказа выясняется, что речь идет о каком-то нивхе, задранном медведем.

⁴⁹ Из этого перечисления становится ясным, что нивхи рода Кавжуң пригласили к себе на праздник шесть представителей из шести перечисленных в рассказе родов. Первым древним основателем селения Куль считался род Т'и:ртармсп'иң. Кроме указанных в селении Куль во время моего пребывания находились еще отдельные представители семи родов: Н'эгафиң, Лэзран, Кэгнн, Нутэвх, Товның, Аргоң, Тфабин. Дальнейший текст рассказа представляет собой исключительный интерес, так как из него становится ясным, что угощают медвежьим мясом и салом не единичное лицо, но представителей родовых групп.

⁵⁰ В рассказе эти собаки называются ныфкс-қан. Значение первой части сложного слова ныфкс- нам неизвестно.

⁵¹ О «яме» в жилищах нивхов см. ниже.

Потом старейшины вышли наружу, с крыши студень спустили, порезали его на мелкие доли, на все селение доли нарезали, на всех гостей нарезали. Потом в жилище вошли, корыта [со студнем] внесли.

Потом женщины вышли, к ударному бревну пошли. Моя жена ритм мелодии нашк-торпас (торпас — орнаментированная обмотка конца руков) выстукивала. Другие, за ними находясь, на них глядели.

Теперь юноши возле корыт стали. Старейшины им сказали: «Доли взяв, чужеродцев призовите, им [отнесите], отдайте. По одному выйдите, на берег родового медвежьего жилища⁵² спуститесь». Потом их возвращения ждали.

Потом женщины маленький котел принесли, медвежий бульон зачерпнули, в него налили, понесли, в 'яму' поставили⁵³.

«Давайте спать!» — [сказал кто-то из стариков].

* * *

Выспались. Когда встали, я молодежь за корытами послал, [в которых нархи унесли угощение]. Когда принесли, на полку затолкав, их положили. Я молодежи сказал, чтобы они старейшин из чужих родов позвали, задние части медведя поломать, [порезать].

Старейшины пришли. Часть глубоких стариков зад свежевала, часть лапы свежевала⁵⁴.

Старуха с приведенных собак⁵⁵ шерсти надергала, вместе с крапивой ссучила в одну нитку. На нитку три бусины наизала, старику подала, чтобы он на медведя серьги надел (к'отр мэскрэвгуд'). Старик ими морду медведя украсил, чтобы он носил⁵⁵.

Потом жены хозяев медведя студень сделали, рис сварили. Потом их мужья рис, студень, рыбу взяли, понесли, медвежьей голову кормили. Потом на доску положили, на доли делили, чужеродцев и гостей кормили. Когда кормить окончили, молодежь все убрала, поставила в яму.

Потом взяли табуированные части, лежавшие в н'хыр (чахах, изготовляемых специально для сердца каждого вновь

⁵² О родовом жилище у материковых нивхов для устройства медвежьего праздника см. ниже.

⁵³ Вероятно, женщины только поднесли его к 'яме'. У сахалинских нивхов отвар от медвежьего мяса сливают в одно место на кан'у — площадке для убийства медведя. Мне пришлось видеть, как его сливали в дуплистый пень.

⁵⁴ Зад медведя (сур, также тэрц) материковые нивхи разрубают предназначенным для этого топором. При этом женщины и молодежь выгоняют из жилища. В рассказе Пэска об этом ничего не говорится. Разрубают его также топором члены рода Кшыусфин из селения Усть-Агнево на Сахалине.

⁵⁵ Речь в рассказе идет о тех же собаках ныфск-қан (см. примеч. 50).

⁵⁶ Тымовские нивхи надевают на голову убитого медведя венки (наозр) из белых стружек, обмазанных в некоторых местах соком ягоды.

убитого медведя). Людям сказали, чтобы они вышли. Окошко, расположенное в сторону гор, открыли. Сквозь него наружу подали (чаши с табуированными частями), им передали, попросили их отнести к табуированному помосту. Один из хозяев вместе с ними поднялся (к помосту). Хозяина попросили костер-огонь разжечь⁵⁷. Каждый из чужеродцев от табуированных частей мяса отрезал, на вертел нанизал, возле костра воткнув, жарил, потом, сняв с огня, ел⁵⁸.

Потом, челюсть медведя обмотав, диафрагмой обмотав, жарили (ва нафтог вагскоскир нафтог, шата). Изжарив, понесли, сквозь окно, расположенное в сторону гор, просунули [в жилище]. Старейшины [говорят, что] табуированные части медведя молодежи есть нельзя. Потом жарить табуированные части закончили.

Когда солнце снизилось, старейшины собрались, разговаривали [о том, кому какую долю дать]. Окончив разговаривать, чужеродцы-старейшины и хозяева-старейшины в яму сели, доли делили. Большой тазовой костью (пыјх пил'э ңын'ф) род Тфабин(?) кормили, половиной тазовой кости (паск пыјх) род Тфабин кормили. Одной бедренной костью (тол'а нос') Он'кана (из рода Лээнран) кормили, другой бедренной костью Чайгина (из рода Кэгнн) кормили.

Когда закончили дележ, позволили нархам свои доли взять. Юноши пришли, возле посуды встали, их поджидали. Старейшины велели им поднять [посудины], подать их чужеродцам. Друг за другом [по порядку расположения жилищ в селении] позволили им брать. По нартовой дороге позволили им пойти, на берег родового табуированного жилища спуститься, воротиться домой.

Женщины вышли, на ударном бревне играли, [выстукивали ритмы, изображающие], как медведь пешком [на задних лапах] ходит. Окончивши, воротились.

Хозяева, старейшины смеялись, шутили. Потом доли на свой род делили. Когда делить закончили, хозяева свои доли взяли, по своим жилищам унесли. Теперь хозяева свои доли ели. Когда окончили, чай попили, спать легли.

* * *

На следующий день утром, когда я встал, молодежи сказал, чтобы они пошли кости взяли, [которые вчера унесли нар-

⁵⁷ Табуированным огнем на медвежьем празднике распоряжаются толькоызг — хозяева праздника. Жарить и варить медвежье мясо можно только на огне рода тех охотников, которые убили медведя.

⁵⁸ Вероятно, в это же время с помоста сняли голову медведя и освежали ее, так как ниже рассказывается о том, что поджаривали нижнюю челюсть. О поджаривании головы медведя и нижней челюсти будет говориться ниже.

хи)⁵⁹, чтобы в селение Мат'во поднялись, чтобы к зимнему селению Вытым спустились. Когда они воротились, ремнем кости обвязали, трех собак, три ружья взяли, железный наконец стрелы (к'увыт'х) изготовили, теперь ремнем вместе с костями завязав, принесли (вероятно, к табуированному помосту). Старейшины, ружья, стрелу, топоры взяв, внутрь табуированного помоста положили. Молодежь рис, ягоду, мороженую рыбу для строганины (талк), ягодный студень (муви), юколу, крошеную юколу перетаскали [с табуированного помоста], в жилище внесли, на почетную нару поставили.

Потом женщины, друг друга позвав, ответные дары, [которые послали нархи], делили⁶⁰.

Потом старуха кожу для изготовления специального студня (чан' лавс москар) содрала (с юколы из кеты), в воду положила, замочила, вынула, на доску положила, скоблила, [чтоб очистить от чешуи]. Потом специальный котел (чан' лавсвын') взяла, в него опустила, на палэрк т'уур — табуированном огне, расположенном в сторону гор, грела. Потом сняла, в специальное корыто (чан' лавсоря) положила, под табуированным помостом расположилась, теркой терла. Когда растирать окончила, под табуированным помостом оставила.

Теперь старейший вышел, в лес поднялся, рябину отрезал, принес. Под табуированным помостом сидя, стружки (коңгозах?) настрогал. Череп медведя взял. Когда он его нес, женщин из жилища наружу выгнал. Потом зурк'ыфтухкир — топором для разрубания таза медведя [череп] прорубил, мозг продырявил⁶¹. Под табуированным помостом маленький табуированный помост сделал. Потом нижнюю челюсть с помоста снял. Стружки взял, в носовые отверстия медведя воткнул⁶², дареным ремнем крепко привязал [нижнюю челюсть к черепу медведя]. Когда окончил, на маленький табуированный помост положил.

Молодежи велел выйти, снять нарту, перед жилищем ее поставить. [Старейший] старинную нерпичью мужскую юбочку

⁵⁹ На трех медвежьих праздниках, которые мне довелось видеть на Сахалине, нархи не уносили с собой костей, но очищали их от мяса и тут же возвращали их хозяину праздника, обвязав предварительно ремнем, называемым в этом случае чмалар-гнох. Точно так же поступили и нархи, о которых речь шла выше. В данном случае, по-видимому, нархи унесли какие-то кости с собой.

⁶⁰ Об ответном дарении за угощение на медвежьем празднике говорится ниже.

⁶¹ Череп медведя, очищенный от мяса, был прорублен, по-видимому, для того, чтобы извлечь из него мозг. У сахалинских нивхов череп, как и все кости медведя, неприкосновенен.

⁶² В рассказе стружки, воткнутые в носовые отверстия медведя, называются ируссп (а. д.). Так же называются стружки, втыкаемые в носовые отверстия черепов нерп. Мы видели черепа нерп, украшенные белоснежными стружками, слегка обмазанными соком ягоды перед погружением их в море.

(коски)⁶³ взял, череп медведя взял, замотал, ремнем перевязал. «Ленок, если есть, принесите». Ленка, юколу вместе со студнем положил.

Старейший молодежи на табуированный помост велел подняться, еловые ветви, которыми были покрыты части медвежьей туши и его голова, велел принести. Принесли, на нарту положили. Молодежь потяг принесла, к нарте привязала⁶⁴. Котел взял, погрузили, топор взял, погрузили, ремни взял, погрузили.

Собак взял, притащили, когда их запрягли, старейшие сказали: «Дареных собак только убьете, что ли? Свою одну присоедините». Они когда собирались пойти, много ребят толпой шло. После того как собак запрягли, на табуированный берег спустились, вниз [по берегу реки] поехали.

К древней земле привезли. Череп ремнем привязали, подняли, [на дерево повесили]⁶⁵. Потом специальный холодец (чан'лавсмос) взяли, череп весь обмазали.

Потом одни [в лес] поднялись, дрова наготовили, принесли, костер зажгли. Другие ремни принесли, к дереву привязали, петли сделали. Собак взял, притащили, из сухой пучки (аҕс) ошейники сделали. Потом ленка взяли, отрезали, юколу отрезали, их кормили, [петлю от ремня на шею надели]. Потом взял, [собаку] подняли. Один голову держал, один передние лапы держал, один задние лапы держал. Тянули-тянули, когда издохла, из петли вынули, положили, надрезали [по брюху от пасти к хвосту]. Когда надрезали, свеживали. Когда свеживать закончили, котел подняли, повесили, [варили].

Часть людей мясо, [после того как оно сварилось], резали, на людей, оставшихся в селении, делили.

Женщины в жилище, в котле, в котором варили медвежье мясо (чан'вын'), мелкий рис варили. Сварив, в корыта, в чашки положили, к яме снесли, поставили.

Хозяева спустились [в яму], вокруг чашек сели, ели.

Когда они окончили, молодежь, увозившая голову медведя,

⁶³ На медвежьем празднике у Мизгуна, происходившем в селении Ванрко в феврале 1928 г., голову медведя, когда она покоилась на почетной наре, накрыли мужской нерпичьей юбочкой. Когда свеживали голову, юбочку положили под нее, а когда голову передавали нарху Чегуйону, то на нару постелили эту же юбочку и на нее поставили деревянную чашу (н'хыр), в которую была положена голова.

⁶⁴ Потяг — нухт' (а. д.), нут' (с. д.) — представляет собой длинную веревку (а в старину длинный сплетенный ремень), к которому привязывают собак, тащащих нарту.

⁶⁵ У нивхов на Сахалине и, насколько мне известно, на Амуре имеются специальные амбары, куда складываются черепа медведей. Однако со слов самого Пэсқа мною записано, что голову медведя обмазывают студнем и вешают на дерево. Вопрос этот подлежит доисследованию у члена рода Ка-вјуц.

пришла. Потом дареных собак, топоры, копыя, ружья, ремни поделили. Хозяева ⁶⁶ [дареное] взяли».

Записано от нивха — старика Пэска 22 июля 1931 г. в селении Куль.

* * *

Приведенный рассказ показывает, насколько сложен ритуал, связанный с медведем, убитым на охоте. Еще сложнее ритуал, связанный с медведем, который содержится в клетке и которого затем убивают зимой на празднике, устраиваемом в его честь.

Поскольку медведь, по древним представлениям нивхов, это горный человек, то таковым является и медведь, выращиваемый в клетке.

Анимистическое воображение нивха подсказывает ему, что если он три или четыре года (в зависимости от пола) будет содержать в гостях горного человека-медведя, то гость, уйдя от него с подарками к своим соплеменникам, не забудет его и тоже поможет ему в его жизни.

В основе этого несложного рассуждения лежит явление реальной взаимопомощи и обменного дарения, существующие у нивхов между приятелями или знакомыми людьми, называемыми ими хэр-н'иүвц (с.д.), наз-н'ивх (а.д.).

Однако кроме упований на помощь, с медведем, содержащимся в клетке, связывается еще представление, что он замещает собой умершего родственника. Возможно, что в основе этого представления лежит следующий ход рассуждений. Мой родной ребенок умер, так возьму же я ребенка моего сородича — горного человека-медведя, буду его растить, и горе мое не будет столь тяжелым.

Кыйдык рассказывал Гэмарку итт': н'ивх, п'ола муцан, вит к'отр-кэт, шыпрт, јүвут'ад'ра. Го:нан ны-к'отр-п'урт мун'ивх -ч'ло-озуд' — нат итт'. Ны-к'отркир п'ола моркар п'рыр п'оскр һумд' нарлагут јан'мајан'мат'ад'. Старики говорили: когда у нивха его ребенок умирает, [то он] идет, медведя берет, при-таскивает, воспитывает. Тогда об этом медведе говорят, [что он] ч'ло ⁶⁷ — мертвого человека поднял — так говорили. Этим медведем, будто его ребенок, живой придя, напротив него находится, любит (посматривает).

Медвежат содержат также и после смерти родителей и жены.

⁶⁶ О делении даров, полученных от чужеродцев за медвежье мясо и жир, рассказывается ниже.

⁶⁷ Значение этого слова мне не могли объяснить. От перевода его словом «душа» мы пока воздерживаемся.

Нивхи ловили медвежат в лесу [7, с. 177—178], реже — в берлогах, и в исключительно редких случаях женщины выкармливали сосунков грудью.

Об извлечении медведя из берлоги

«Медведя промышлять шли-шли, к берлоге пришли. Когда к берлоге пришли, там большой детеныш оказался. Его мать убили. После этого [берлогу] заперли, лесинами заперли. Потом в селение за товарищами пошли.

На следующий день утром за медведем (пал-нат — букв. 'за пал', 'за горой') пошли. Крышу берлоги продырявили. Сквозь отверстие посмотрели. „Ой-ой! Большущий медведь, оказывается. Как его возьмем?“ [Раздались слова старейшего]⁶⁸: „Давайте петлями запетляем, [опутаем] его“. Петли на него одели. „Ну-ка, порог⁶⁹ сделав, вытащим. Молодежь, деревья для порога притащите“. Молодежь пошла, наготовила, а потом, когда притащили, петлю сквозь переднюю часть берлоги просунули. Потом вытащили, пасть завязали, ноги завязали. „Молодежь, деревья для колыбели приготовьте“⁷⁰. К колыбели привязали медвежонка]. Нарту притащив, погрузили. [Возле его головы елочку поставили]. „Ну, обратно воротимся“.

Когда в селение привезли, старейший ударное бревно повесил, женщины на нем играли.

По табуированному берегу поднялись, к жилищу поднялись. Старейший елочку убрал⁷¹, [поставленную возле шеи медведя]. К жилищу подвезли. Сквозь оконное отверстие медвежонка в жилище втащили (п'ах-к'утих к'отр-т'ыкт'). „Ремни давайте искать, а ну как привяжем“.

Потом самке-медвежонка четыре вечера позволяют ночевать, самцу-медвежонку три вечера позволяют ночевать.

Потом студень изготовляют, кормят его, к клетке ведут, в нее помещают».

Записано 18 июля 1931 г. в селении Куль от нивха Қауна из рода Қавјун.

⁶⁸ Почти во всех рассказах, записанных нами на нивхском языке об охоте, распоряжения старейших передаются без указания на то, что они их произнесли. Нивхам и без этого понятно, от кого они исходят.

⁶⁹ В рассказе употреблено слово «лымыс», что значит 'порог'.

⁷⁰ В рассказе употреблено слово «т'ақ» 'колыбель'. Очевидно, употребление данного слова объясняется тем, что из берлоги берут медвежонка, иногда сосунка.

⁷¹ После того как в лесу поймают или убьют медведя, сообщил мне Қаун, срубают маленькую елочку, называемую в данном случае «пры». Ее ставят у шеи медведя с правой стороны, а у медведицы — с левой. В лесу ее ставит охотник, но по прибытии в селение ее убирают. В данном случае ее убирает только старейший.

Кыйдык говорил, что если в берлоге находили сосунка медвежонка, то его давали кормить грудью женщине, родившей близнецов. Напа ин'д'ри-ыҕу-мат'к'отр-нонҕ, шот эхт мыҕ-нан, т'оңр-умгу-мот' рагут'ад' 'маленького медвежонка, еще не умеющего есть, когда с ним спускались обратно [в селение], грудь женщины, родившей двойню, позволяли [ему] сосать [пить].

Женщине, родившей двойню, сосунка-медвежонка давали кормить потому, что нивхи полагали, что к рождению близнецов причастен горный человек-медведь, и поэтому-то в старину близнецов у амурских нивхов отождествляли с на 'зверем'. Мроль-н'ивҕу итт': т'оңр-о:лагу паднан, нуҕи панд' нуҕи-на хат итта, ыри панд' ыри-на хат итта 'Древние нивхи говорили: когда близнецы рождаются, то первый родившийся — передний зверь, так говорили [называли], сзади родившийся — задний зверь, 'так говорили'.

В отличие от сообщения Кыйдыка мы в 1931 г. на Амуре слышали от нивхов, что близнец, родившийся первым, называется задним зверем, а родившийся вторым — передним. Но не столь важно то, что Кыйдык в 1957 г. мог уже и не знать деталей всех анимистических представлений своего племени⁷², сколько то, что он уверенно еще именуется близнецов на 'зверями'. Важно также и то, что в этом древнейшем представлении границы между человеком и зверем стерлись, вернее, они никогда в воображении людей каменного века и не существовали. Следует иметь в виду, что словом на 'зверь' обозначается также и медведь. Среди нивхов преобладает мнение, что близнецы происходят от пал — горных людей-медведей.

В одной из легенд о горных людях-медведях, записанных нами от Шызыуна, горная женщина-медведица говорит нивху, попавшему к ним в гости: «Ч'и к'ымлиндат н'ин т'хыф халах, пал-н'и:вн халах, энант хэиыңра, тынтхун ч'акихун, н'и ч'ан'ги 'Ты думаешь все же, хотя мы медведи, хотя мы горные люди, [то мы другие люди], другими, [чужими нас] не считай. Вот эти твои старшие братья, [а] я — твоя жена». Так как медведи, убитые на охоте и на праздниках, — это горные люди, тоже побывавшие, по представлениям нивхов, у них в гостях, то этому высказыванию медведицы можно придать зеркальное отражение, словно нивх говорит медведю: «Ты думаешь, что если мы нивхи, что если мы люди, то мы иные, иными нас не считай, мы тоже медведи. Вот это твои родители — братья, а это — твои жены. Они танцуют по-медвежьи и

⁷² В подобных случаях мы никогда не пытались влиять на содержание сообщения информатора, так как нам не дано еще знать, кто прав, кто нет. Надо слушать всех одинаково и обо всем, о чем рассказывают, а потом уже приходиться к каким-то выводам.

ходят, как ты, на задних лапах». Это зеркальное отражение слов медведицы весьма точно передало ее древние антропоморфные представления предков современных нивхов и их намерения в отношении того мира, с которым они, охотники, хотели бы породниться, который они именовали и именуют пал.

Словом пал у нивхов выражается миропредставление, связывающее их, нивхов-людей, с миром медведей самыми тесными и интимными узами. По их анимистическому и антропоморфическому воображению нивхинки могли якобы беременеть от людей-медведей и рожать двоен (подобно медведице, приносящей двух медвежат), а нивхи могли быть задираемы полюбившими их женщинами-медведицами, как об этом рассказывается в легенде о Мыкрфине [7, с. 197—199]. Люди-медведи могли излечивать людей от недугов и насыпать их на нивхов, они могли посылать удачу в лесной охоте и лишать ее их, они могли заблудить, запутать охотника в лесу и вывести его на верную дорогу. При хорошем расположении они могли даже прийти к нивхам в гости и накормить их своим мясом, потому что им, могучим, ничего не стоит расстаться со своей физической оболочкой, поскольку они целыми и невредимыми возвращаются к своим соплеменникам с дарами от нивхов, которые в знак высшей благодарности навесят им на морду украшения и вымажут ее потом студнем и такой ценной едой, как рисовая каша. Ведь за рис они некогда отдавали маньчжурам соболей. Неудивительно, что нивхи искали союза со столь могущественным медвежьим народом, и поэтому-то во всех селениях рассеяны медвежьи клетки, в которых содержались медведи, и каждый род имел свои культовые места, где он скреплял с ними свои родственные и дружественные связи.

К сожалению, никому никогда не пришло в голову подсчитать, сколько медвежьих клеток имелось у нивхов материка и Сахалина и сколько медведей содержалось у них одновременно.

Медведя-самца содержали в клетке три года, а медведицу-самку — четыре. Периодически их выводили из клетки погулять. Это всегда было серьезным событием, так как медведя надо было уметь взять так, чтобы он никого не поранил, и надеть на него крепкий ошейник с прикрепленными к нему цепями, к концам которых были привязаны еще сплетенные ремни, а теперь крепкие веревки, которые являются поводками, за которые его водят по деревне. Важнейшим моментом в овладении медведем является, несомненно, обхват его головы руками, что мне не раз приходилось видеть. Как только медведя извлекали из клетки, специально выбранный для этого нивх стремительно падал как-то грудью на его голову и крепко обхватывал его шею руками.

Первый раз медведя вытаскивают из клетки перед началом состязания собак. До этого срубают тонкие тальничные стволы, примерно в 2 м длиной, приносят их в жилище и на яме на одном из концов стружат стружки, называемые наус. Вероятно, ими, как на Сахалине, украшают столбы, к которым затем привязывают медведя. По окончании бега собак его водворяют в клетку. При последующих бегах его из клетки уже не извлекают. Второй и окончательный вывод производится перед его убиением.

„Когда медведя окончательно вытаскивают [из клетки], в каждое селение, в близлежащие селения идут, сообщают. После этого, когда приходит пора, отовсюду нат'и мут п'шыngu 'приходящие быть нат'и приходят'⁷⁴. Лишь тогда, когда все люди придут, медведя начинают водить по жилищам“.

Различаются три вождения.

Первое называется пукс-тофт шот вид' 'к поводку привязав, водят'. Смысл этого названия объясняется, по-видимому, тем, что в первый раз медведю дают съесть кусочек от сушеного стебля растения агс. Оставшуюся часть привязывают к поводку и так с ним водят его по жилищам своих сородичей.

Пукс — это поводок, состоящий из цепи и сплетенного ремня (или толстой веревки), привязанного к одному ее концу. Другой конец цепи прикреплен к кожаному ошейнику. За два таких поводка медведя водят по селению, вводят в жилища, привязывают к столбам. Водить его могут только хозяева — ызг, люди рода, выкормившего медведя. Чужеродцы не имеют права братья за поводок — это уиуд' 'грех'.

Второе вождение называется ч'о ярт шагод 'рыбой кормить его водят'. В этот раз его также водят по жилищам сородичей, которые дают ему по кусочку свежей рыбы.

Третье вождение называется энгаргу јуут шот вид' 'чужеродцы [чтобы] его кормили водят'. Само название говорит о том, что в этот раз его водят по жилищам чужеродцев.

Вождение медведя из жилища в жилище производится только ночью, до рассвета.

Кыйдык рассказывал, что его сородичи из селения Вайр (Вайда) возили медведя к своим сородичам в ближайшее селение Шавх (ныне Архангельское).

⁷³ В основе настоящего сообщения лежит небольшой текст и комментарии к нему, записанные от сказителя Кыйдыка. Так как комментарии освещают некоторые явления обстоятельнее, чем нивхский текст, мы совмещаем их в одном рассказе. Перевод текста Кыйдыка взят в кавычки. Наше изложение их не имеет.

⁷⁴ Нат'и муд' букв. стать нат'и — название временных гостей, приходящих на праздник, только на один день — день окончательного извлечения медведя из клетки.

После этого медведя приводят в наҥидыф — родовое жилище для устройства медвежьего праздника. Выкармливать медведя нивх может в принадлежащей ему клетке, но праздник по случаю проводов медведя устраивается только в специально предназначенном для этого родовом жилище⁷⁵.

Примечательно, что место, к которому привязывают медведя в жилище, называется тулкс 'яма', хотя теперь там никакой ямы нет. Кыйдык рассказывал, что в зимнем жилище маньчжурского типа (тадрыф), в котором он в детстве жил, было восемь семейств: дед Кыйдыка и дед Кэвина, которые были родными братьями, прадед Кыйдыка, отец Кыйдыка, два брата отца Кыйдыка, отец Кевина и брат отца Кэвина. Так как пол в тадрыфе был земляной, то 'яма' была покрыта настилом из тонких стволов деревьев, расколотых вдоль по длине. На настиле они лежали круглой стороной вверх. Назывался настил хувр, так же как пол в медвежьей клетке. Кыйдык вспоминает, что в 'яме' их жилища одновременно находились три медведя. Когда что-либо подают из 'ямы', то говорят хит'ид' 'поднять вверх', а когда надо поставить что-либо в нее, то говорят гот'т' 'опустить вниз'. Женщинам, и старым и молодым, по сообщению Кыйдыка, на хувр, т. е. на настил 'ямы', заходить запрещалось.

После того как медведя привязывали к столбам на 'яме' родового жилища, нивхи уходили в другое жилище играть. В названиях игр, записанных от Кыйдыка, упоминаются только различные пружки.

Потом перед рассветом (по-видимому, еще в темноте) медведя выводят из родового жилища и поднимаются с ним к нагрыф⁷⁶ — двум столбикам, врытым в землю возле табуированного помоста. Там его привязывают к ним и оставляют.

После этого все спускаются в родовое жилище. Там гостей усаживают и угощают. Это угощение называется чмаус.

Гости сидят на наре в два ряда друг против друга попарно. Еда в деревянной посуде подается с п'онах — почетной нары и оттуда передается вниз от пары к паре. Требуется не меньше ста посуды, чтобы накормить гостей. Каждая пара гостей ест из одной посуды. Угощение начинается с утра (после того как оставят медведя привязанным к столбикам) и продолжается до полудня. Люди рода, выкормившего медведя, не садятся вместе с гостями. Даже маленького сына они не могут посадить вместе с ними. Дочь же имеет право сесть с гостями, так как она считается чужеродкой [7, с. 268].

⁷⁵ У сахалинских нивхов с подобным явлением нам встречается не приходилось. Медвежий праздник у Паркызина в 1927 г. и у Мизгуна в 1928 г. происходил в их жилищах. После праздника Мизгун мне сказал, что теперь его жилище — большой уиҥынт 'большое табу', так как отныне оно принадлежит пал, горным людям-духам, и повредить в нем ничего нельзя.

⁷⁶ Слово нагрыф состоит из двух частей: наг и рыф. Значение первого нам неизвестно, второй образован от тыф 'жилище'.

В то время, когда происходит кормление, два человека из рода выкормившего медведя идут к нему. Один из них берет ложку, из которой его кормят⁷⁷, а другой берет вертел. В ложку кладут студень, а на вертел нанизывают кусок свежей рыбы. Придя к медведю, они кормят его. Это кормление именуется *йүңзд'*.

Когда угощение заканчивается и гости должны выйти из жилища, старик (очевидно, из рода выкормившего медведя) выходит из него, упирается в дверь спиной и не выпускает их. Тогда гости начинают петь кылы-Һэмэрэ кэкло: 'большой старик кэкло.'⁷⁸ или кылы-Һэман'үэ кэкло: 'большая старуха кэкло:' в зависимости от пола медведя. Затем они ударяют в дверь: если медведь самец — три раза, если самка — четыре, после чего их выпускают. Выйдя из родового жилища, они продолжают петь эти слова, пока не дойдут до медведя.

Тогда «хозяева во что бы то ни стало должны обхватить его голову (ызгу жагор-Һагин и-д'оңр-т'икныд')⁷⁹. Когда его голову обнимать кончат (и-д'оңр-т'иктот тфинан), с ним к реке напрямик спускаются, вокруг проруби водят. Потом поднимаются, вокруг родового жилища обводят (медведя обводят три раза, медведицу — четыре). Потом его подводят к открытой двери, допускают заглянуть в жилище. После того как ему позволяют заглянуть в жилище, старейший поручает старику [что-то] сказать медведю (пылың нахэзн'ивүах⁸⁰ хэзгута). Отсюда его ведут к клетке, дают ему посмотреть в клетку, [в которой он жил]. Потом его напрямик ведут к нагрыф — паре столбов, к которым он был привязан. Здесь, не привязывая [его к столбам], но только за поводки его держа⁸¹, человеку, который должен в него стрелять, дозволяют стрелять (Һур-товдилығыт пукс-поғытат ханы-н'ивүах хагут'ад'). Когда зверя свалят⁸², все уходят⁸³.

⁷⁷ Эта ложка называется *н'хыр* и имеет около двух метров длины. Посудина же, которая вырезывается для сердца каждого вновь убитого медведя, называется, по сообщению Кыйдыка, не просто *н'хыр*, но *н'хырңир*.

⁷⁸ Значение слова *кэкло*: неизвестно. В районе лимана обращение к медведю заканчивается словами *кэгло лэкс*, значение которых также непонятно.

⁷⁹ Обхватывание головы медведя, о котором сообщает Кыйдык, несомненно, представляет собой древний игровой обычай, в котором нивхам, принимавшим в нем участие, требовалось доказать свою смелость, ловкость, находчивость, быстроту действий.

⁸⁰ *Нахэзн'ивх* букв. означает 'человек говорящий (или обращающийся) к зверю'.

⁸¹ С обеих сторон за поводки его держат 20—30 человек.

⁸² В рассказе употреблено выражение *на-волутот* 'зверя свалив' (на 'зверь', *волуд* 'валить что-либо') вместо ожидаемого *к'отр-к'утот* медведя убив'. Говорить так о нем, конечно, нельзя. В отношении медведя употребляется много условных выражений.

⁸³ С этого момента все временные гости, попросту пришедшие из соседних селений посмотреть на медведя и его убийне (пај нат'и мут п'шыңгу), возвращаются к себе. Лишь приглашенные (*хэңир н'ивү -ан'маңыт п'шыңгу*) остаются до окончания праздника. Значение слова *хэңир* нам неясно.

Только старейшины и еще несколько человек, оставшись, ломают его, [т. е. свежую медведя и разрезают его на части]. Ломать, [разделявать] окончив, медвежьё голову поднимают, на табуированный помост кладут мордой вниз, чтобы она смотрела на людей.

Когда медведя ломают, [режут], сразу же табуированные части отделяют и кладут отдельно (уиҕуиҕуҕуку вэууҕытта). Потом уносят, в жилище котел для варки медвежьего мяса (нан'вын') вешают, варят. Каждый род в отдельности, мясе табуированного помоста котел для варки медвежьего мяса повесив, табуированное варит (к'ал-н'акрн'акр лэзцлагајн нан'-вын'-ч'имтот уилыд'-хэт'ад').

Когда стемнеет, ложатся спать.

Только на следующий день после того, как все сварят, сваренные табуированные части кладут в специальные корыта (нан'орн). Потом в яму помещают, еловыми ветками закрывают.

Потом голову медведя вносят через окно и укладывают на почетную нару. В самом центре нары (к'илс), расположенном напротив ямы, устраивают табуированный помост, на который опускают голову медведя мордой вниз.

Потом ч'удвас 'повязку' сделав, на морду медведя надевают⁸⁴.

Потом три большие бусины на нитку нанизывают, за его уши зацепив, оставляют.

Еду готовят, маленькую берестяную посудину сшивают, в нее еду кладут, голову кормят, и рыбой и сушеными стеблями пучки (агс), так его голову кормят.

После того как все табуированное сварят, только старейшие спускаются, в яме находясь, совещаются: какое место кому поднять [подать] надо. Об этом только разговаривают. Совещаться кончив, еду в круглые посудины (мумк-цир) кладут, чужеродцев кормят. Молодых ребят гостинцы разносить посылают.

Тазовые кости (пыҕ-нын'ф) и толстые бедренные кости (тола-нос) самым чрезвычайно уважаемым людям только дают. Эти люди, когда к себе посуду приносят, смотрят, какая кость окажется. Если тазовая кость, то собаками вознаграждают, иногда копьём вознаграждают. Если собак и копыя нет, ружье вознаграждением считают. Кость тола-нос также одинаково [с тазовой костью] считается. [За] другое мясо и кости безразлично [что] дают. Если ремень есть, ремень привязывают либо рисовой каши немножко на дно посудины наливают. Такое вознаграждение [за эти части] дают».

У нивхов имеется прекрасный обычай, называемый аңстуд

⁸⁴ Морда медведя называется ч'уд. Основа «ва» означает 'перевязывать'. Следовательно, ч'удвас означает то, чем перевязывают морду медведя. Повязка состоит из трех петель: двух верхних — для ушей и нижней — для морды.

(с. д.), ымзмуд' (а. д.). Суть его состоит в том, что самому съесть добычу нельзя. Надо поделиться ею с соседями, выделив им хотя бы по небольшому кусочку. В ответ за гостинец получатель его дает ус'кыр, ус'кр (с. д.), ускис (а. д.) — ответный дар, которым может быть крошка любой еды либо палочка, если нет под рукой съедобного, так как пустой возвратить посуду нельзя.

В посуду с угощениями, которую гости уносят с собой с медвежьего праздника, также кладут немножечко растительной еды из корнеплода сараны, корнеплода т'ирх либо студень, чтобы только едва покрыть дно. Эти ответные дары и делили, по-видимому, между собой женщины устроителей праздника в приведенном выше рассказе Пэска.

Сахалинские нивхи, убившие на охоте медведя либо выкормленного у себя дома, также отдают почти все медвежье мясо и жир чужеродцам. Те же взамен отдают им медвежье мясо и жир, когда убьют на охоте медведя либо когда он будет убит на устроенном ими празднике. Таким образом, у сахалинских нивхов медвежье мясо и жир являются как бы предметом обменного дарения. В основе этого обмена лежит религиозный запрет употреблять в пищу мясо своего медведя. Тем не менее, когда ызг — хозяин медведя передает нарху медвежье мясо и жир, последний все же должен дать ему за это ответный дар.

У материковых нивхов же установилась как бы такса за которым нарх обвязывает кость, с которой он до этого срезал медвежье мясо. Этот обычай называется чмаларнд⁸⁵.

У сахалинских нивхов таким является, например, ремень, шие части медвежьей туши. За тазовые кости нарх должен дать хозяину медведя собак, либо дорогое копьё, либо ружье.

Нам думается, что это явление на материке является уже нововведением, возникшим, по-видимому, в быту амурских нивхов под влиянием торгового капитала.

Освеживание головы

Освеживание головы представляет собой один из кульминационных моментов выражения уважительного отношения к медведю. И у сахалинских и у амурских нивхов готовится в этом случае специальный студень, которым потом будет совершен обряд обмазывания черепа, называемый у тымовских нивхов на Сахалине т'оңкр-авнт (т'оңкр голова).

В рассказе Пэска сообщается о студне, который старуха изготовляла, сидя под табуированным помостом. Это и был студень, предназначенный для обмазывания черепа медведя.

⁸⁵ Первый компонент этого слова — чма- сближается как-то с основой чма-нт (с. д.) 'ходить в гости' и чмаус (а. д.) 'еда, которой угощают гостей на медвежьем празднике'.

Процесс свежевания головы мы видели на медвежьем празднике у Мизгуна в селении Ваңркво на Чайвинском заливе в феврале 1928 г. Оно производилось с такой тщательностью, что даже хрящевые прослойки, находившиеся между шкурою ушей, были полностью сохранены. В рассказе Очи, записанном на нивхском языке, об этом сообщается так:

«Для того чтобы голову [череп медведя] обмазать, женщины студень изготавливают. Женщины сушеные корнеплоды растения т'ирх ищут, сушеные корнеплоды сараны (карк) ищут, ягоды ищут, приносят. Из этого всего студень изготавливают. Когда студень окончат делать, в цаң'лаврох [корыто для жертвоприношений горным людям] кладут. Потом к голове своего медведя несут, возле его головы ставят [букв. дозволяют ему на подушку лечь]⁸⁶. И корнеплоды сараны, и корнеплоды т'ирх, и сушеные стебли растения пучки (агс), и ягоды, и ягодный студень (муви), каждое кушанье в отдельности в корыто для жертвоприношений кладут, к голове своего медведя несут, возле него ставят [букв. дозволяют ему на подушку лечь]. Потом ца́тр — связку из юколы, корнеплодов сараны и т'ирх, табака и сушеных стеблей пучки (агс) изготавливают, лямки к этой связке приделывают, возле его головы кладут [букв. дозволяют ему на подушку лечь]. Древние нивхи говорили: когда ца́трох 'в горы' пойдет, *лумр* продукты на дорогу [чтобы у него были]».

После изготовления студня, по сообщению Очи, начинается приготовление табуированного огня для поджаривания головы. С этой целью из черемухи срубают две палки с рогулинами и палку, которая будет служить перекладной. Все палки украшают затесами (гаңгаркангарунт). На стороне перекладки, обращенной к корню, вырезают изображение головы арца 'зверя самца'. Рогулины втыкают по сторонам табуированного огня, а поверх рогулин кладут перекладину, на которой будут поджариваться череп и нижняя челюсть⁸⁷.

Затем «старики голову своего медведя сняли [с табуированного помоста]. Венок из стружек (цаозр) с головы сняли,

⁸⁶ О кормлении головы медведя нивхи материка говорят т'онкр-ызд', а сахалинские нивхи — жаңах мутнд 'дозволить ему на подушку лечь' («мут' подушка').

⁸⁷ По сообщению Шызнуна, в селении Агнево срубались шесть рогулин и три перекладки. Рогулины ставились попарно, а на них укладывались перекладки. Такая как бы рама называлась «эт'ан-т'уур» 'огонь' — костер для поджаривания табуированных частей медведя. Одна его крайняя перекладка называлась «т'ондрах» 'головной конец', а другая — «ца́т'уах» 'ножной конец'. На средней перекладке производилось поджаривание. Культ медведя в каждом нивхском роде имеет свои особенности. Так, в роде Кшыусфин, к которому принадлежал Шызнуун, таз и другие кости медведя перерубались специальным топором (зурфытурк'ы), который находился в амбаре, где хранились черепа медведей. Между тем у других сахалинских нивхов это запрещалось. Точнее было бы изучать и описывать культ медведя у каждого рода в отдельности.

на вешалку с сучками повесили. Шкуру на шее своего медведя надрезали (от нижней губы книзу). Свежевали. Когда до пуговицы дошли, руками потянув, разорвали (уушкудох виңа тамкхис' ишлыт вахвахдүүн). Старики голову своего медведя полностью освежевали.

К женщинам обратясь, им велели усиленно на ударном бревне играть, чтобы горным людям доставить приятное (пал эсмугуинит), как сказали старики. Когда женщины усиленно на ударном бревне бьют, горные люди радуются, сказывают (шаңкхун ихмыт т'ат'аңа, пал эсмуфут, итнт).

Женщины танцевали, в игру п'итызант (букв. 'удары о свою челюсть') играли. Мужчины прыгали в длину, прыгали через веревку, которую двое вертели, подскакивали к ремню, который двое поднимали все выше и выше,— так играли.

Старики из головы своего медведя язык вынули, его глаза вынули. Потом [голову] к огню понесли, жарили. Когда жарить окончили, стружки настрогали, мозг стружками (сквозь затылочное отверстие) вынули, на огонь опустили, сожгли. Когда мозг сжигать кончили, свою голову (т. е. голову своего медведя) принесли, на ңан'у ғалмр — на табуированный настил из досок положили»⁸⁸.

Трудно себе представить, какую исключительную заботу и даже любовь проявлял Мизгун к голове своего медведя. Он заранее наготовил лыко из тальника (куиңи) и тщательно оплел им весь череп медведя и скуловые кости. Также были оплетены им каждый шейный позвонок в отдельности, атлант и эпистрофей, называемые одним словом махт. Была оплетена и грудина. Так как она не могла быть положена на перекладину, то Мизгун сплел из лыка специальное кольцо и повесил при помощи него грудину на перекладину. Такие же кольца были сплетены для черепа, нижней челюсти и каждого позвонка в отдельности, чтобы они не подгорели на огне.

После того как нархи съедают по кусочку мяса от головы и челюсти, они возвращают их хозяевам.

На конечном этапе череп вместе с нижней челюстью, уложенный в деревянное ложе, отвозят в родовой медвежий амбар и помещают там вместе с другими черепами медведей [8, с. 233—234].

⁸⁸ С культом медведя у нивхов тесно связано какое-то неясное представление, выраженное основой нан'. Она встречается в словах ңан'у (с. д.) 'площадка для убийства медведя', нан' ғалмыр (с. д.) 'помост и доски (точнее, плахи) нан', на который укладывают голову и части туши медведя'; нан'лаврох (с. д.) нан'лавсорң (а. д.) корыто, в котором подносятся угощения медведю и из которого приносятся жертвоприношения пал — горным людям-духам; нан'лавсвын' (а. д.) 'котел для варки медвежьего мяса', нан'лавмосқар (а. д.) 'рыбья кожа, из которой изготавливают студень для обмазывания черепа медведя'. Слово лавс (с. д.), лавр (а. д.) означает 'подстилка' (в сахалинском диалекте — подстилка из еловых ветвей у медведя в берлоге). Следовательно, ңан'лаврох букв. означает 'корыто для подстилания нан'.

Мы заканчиваем описание культа медведя у нивхов свеживанием его головы и обрядом ее сохранения, так как новые археологические находки снова выдвигают в центр культа медведя его голову, его череп.

После исчезновения пещерных медведей культ медведя не прервался и перешел на бурого медведя.

В Пиренеях, в гроте де Монтеспан, Н. Кастере обнаружил глиняную статую безголового медведя. Вот как он ее описывает:

«Самая большая статуя — это безголовый медведь, присевший в позе Большого Сфинкса Гезеха, имеет длину 43 дюйма и высоту 23,5 дюйма... Статуя массивная, как и подобает изображаемому ею животному; его мощная задняя часть хорошо округлена, задние лапы скрыты под животом, передняя правая лапа вытянута, ее пять когтей отчетливо обозначены; отличающий медведя горб в плечах резко выражен. По-видимому, у статуи никогда не было головы, так как срез шеи покрыт таким же налетом, как и весь корпус... Медведь изрешечен круглыми дырками, как бы проделанными дротиком, с силой метавшимся в жизненные части тела... Череп молодого медведя, соответствующий размеру статуи, лежит между ее передними лапами. Череп был укреплен на фигуре деревянным колышком и упал, когда дерево разрушилось от времени и сырости. Следовательно, первоначально глиняная статуя была увенчана головой настоящего медведя» [3, с. 140].

Эта поразительная находка вместе с некоторыми настенными рисунками медведя [3, с. 182, 184] снова уводит проблему генезиса культа медведя в палеолит.

Кетский медвежий праздник содержит в себе неоспоримое доказательство того, что он пришел в их современность из глубин каменного века. Когда кеты впервые ознакомились с бронзой (медью, латуной), то естественно, что металл был самым ценным подарком, который они могли кому-либо подарить, в том числе и медведю. Поэтому они ему говорят: «Бабушка свои суставы медью пусть надставит» [6, с. 20], ибо что могло быть ценнее металла в каменном веке.

Охотничий период в жизни человечества длился сотни тысяч лет. Он выдвигает во главу угла этого периода проблему взаимоотношения людей с животными. Последние были центром, вокруг которого вращались все их помыслы. Об этом говорят настенная живопись людей палеолита, их скульптурные изображения и изображения животных на орудиях из кости. Люди того времени искали даже в животных союзников, и потому животные выступают в роли помощников шаманов и индивидуальных тотемов.

Изучение отношения к животным у нивхов свидетельствует о том, что с раннего детства детям запрещают убивать живое — птичку, бурундука, лягушку, мышку и как будто даже насекомых — гусениц, бабочек. Нельзя бесцельно убивать живое.

Нельзя издеваться на убитым животным, колоть его ножом, тыкать в глаза и т. п. В одной нивхской легенде хозяин моря учит якобы нивха: «Впредь рыбу не мучайте! Рыба тоже... боль понимает, смерть понимает» [7, с. 113]. Ударяя колотушкой щуку по голове, нивхи ей говорили: «О! лэсго [непереводимое слово] пожалей меня, опять и опять удачливым меня сделай» [7, с. 117]. Выезжая на залив со своей плавающей острогой для охоты на тюленей, чайвинский нивх бросает в воду залива табак и просит тюленя: «А! Подобно моему табаку всплыви! Пожалей меня! Глаз не имея, у кончика весла моего вынырни!» [7, с. 152]. Подобно тому как просят собаку приблизиться к себе, показывая ей кусочек мяса, охотник-нивх просит тюленя подплыть к его веслу за то, что он бросил ему в воду такой ценнейший подарок, как табак (листовой маньчжурский табак ценился у нивхов в прошлом очень дорого). Расставаясь с выкормленным в клетке медведем, старик нивх незадолго перед убийством говорит ему: «Дурных мыслей не имея, с гладкими мыслями иди» [7, с. 206]. Перед массовым забоем линных гусей старик юкагир обращается к ним с песней: «Небесный караван, крылья имеющие существа, не плачьте! Смерть все равно подобна сну. [Вы] опять возродитесь, среди ваших друзей возродитесь. Лучше все, распевая, покружимся!» [5, с. 81].

Эти обращения показывают, с каким заискиванием, просьбами и нежностью обращаются современные охотничьи народы к промысловым животным. Основной их мотив — не обижайтесь на нас, идите от нас с хорошими мыслями и возвращайтесь к нам обратно вместе с вашими родными. С точки зрения этих народов, в таких обращениях нет ничего предосудительного: ведь животные могут отомстить человеку, если он дурно станет с ними обращаться. К тому же животные — это тоже люди.

Когда на туловище медведя из грота де Монтеспан обнаруживаются следы ударов дротиками, мы глубоко убеждены в том, что палеолитические охотники не прибегали при этом к насилью и не грозили медведю: «Мы тебя убьем!» (у нивхов слово ихд 'убить' применительно к медведю запрещено употребляться, и вместо него говорят хиуд), но обращались к нему с лаской вроде: «Мы тебя причесываем, мы не причиняем тебе боли, ведь мы тебя не колем». Вспомним, как Пэск у медведя «копьем шерсть спины почистил». Когда кеты начинают есть голову медведицы, то говорят ей: «Виски бабушки, оказывается, очень обовшивели, гнидами покрылись. Мы их убиваем, даже хрустят. Бабушка, потом опять на берег хаживай. Мы вшей будем убивать. Бабушка очень, оказывается, обовшивела» [6, с. 19—20]⁸⁹.

⁸⁹ По сообщению Е. А. Алексеенко, присутствовавшей на медвежьем празднике у кетов в поселке Келлог в 1971 г., череп медведя кеты вешают на дерево на стороне восхода солнца, а кости медведя (кости его не ломаются) они прячут в дупло для полного его возрождения. Приношу ей свою благодарность за это сообщение.

Приводя подобные обращения к животным, мы пытаемся найти какие-то линии связи между поступками современных и древних охотников, у которых охота была единственным средством их существования. Не колдовство и магия, в которые мы не в состоянии вложить какой-либо реальной мысли, а попытки установления дружественных связей с окружающими их животными были основой всех поступков древних охотников.

Наконец, нелишне вспомнить воображаемый разговор медведицы с нивхом, встретившийся в одной легенде, которому мы дали зеркальное отображение. Из него становится ясным, что древние нивхи при встречах с медведями также не прочь были представить себя перед ними медведями. Подражают же нивхи в танцах движениям медведя. Значит, в различных уподоблениях себя животным, которые встречаются у некоторых охотничьих племен, в известном танце бизона, исполнявшемся североамериканскими индейцами, сквозит одна и та же мысль: мы тоже звери, мы тоже бизоны, мы тоже медведи. Так приходите же к нам, своим братьям и сестрам, в гости! Не опасайтесь нас! Мы вас прекрасно примем и проводим обратно с почестями и подарками.

Поэтому-то нивхи до сих пор украшают черепа медведей (и других животных) стружками и обмазывают их самой дорогой в прошлом едой — рисовой кашей. Обмазывая черепа мелких зверей, нивхи говорят им: «Своих отцов, своих матерей, своих братьев и сестер позовите, все вместе едите» [7, с. 146]. Охотники всеми средствами стремились сохранить дружественные связи со зверями.

Подобно тому как современные нивхи обучают своих детей бессмысленно не убивать ничего живого, наши предки-охотники, жившие в окружении огромного количества разнообразных животных, стремились жить с ними в дружбе, вступали с ними в своеобразные дипломатические отношения и никоим образом не оскорбляли их, тем более что были глубоко убеждены в том, что животные обладали свойствами людей.

Кеты рисуют на бересте изображение медведя и обращаются с ним как с живым существом. Вот так, вероятно, и наши древнейшие предки рисовали промысловых животных на скалах, в пещерах, сохраняли их кости и черепа, стремясь уверить их в своем дружественном расположении к ним и просили их о таком же ответном отношении. В палеолитической идеологии сотрудничества и даже братства людей и животных (см. с. 252, 271) кроется происхождение палеолитической наскальной живописи животных, рассеянной по всему свету, и тотемизма.

Литература

1. Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
2. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
3. Кастере Н. Десять лет под землей. М., 1956.
4. Констэбл Дж. Неандертальцы. М., 1974.
5. Крейнович Е. А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX и XX веков.— «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972.
6. Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов.— Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969.
7. Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973.
8. Крейнович Е. А. Нивхский язык.— «Языки Азии и Африки». Т. III. М., 1979.
9. Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан. М., 1949.
10. Панов Е. Н. Знаки. Символы. Языки. М., 1980.